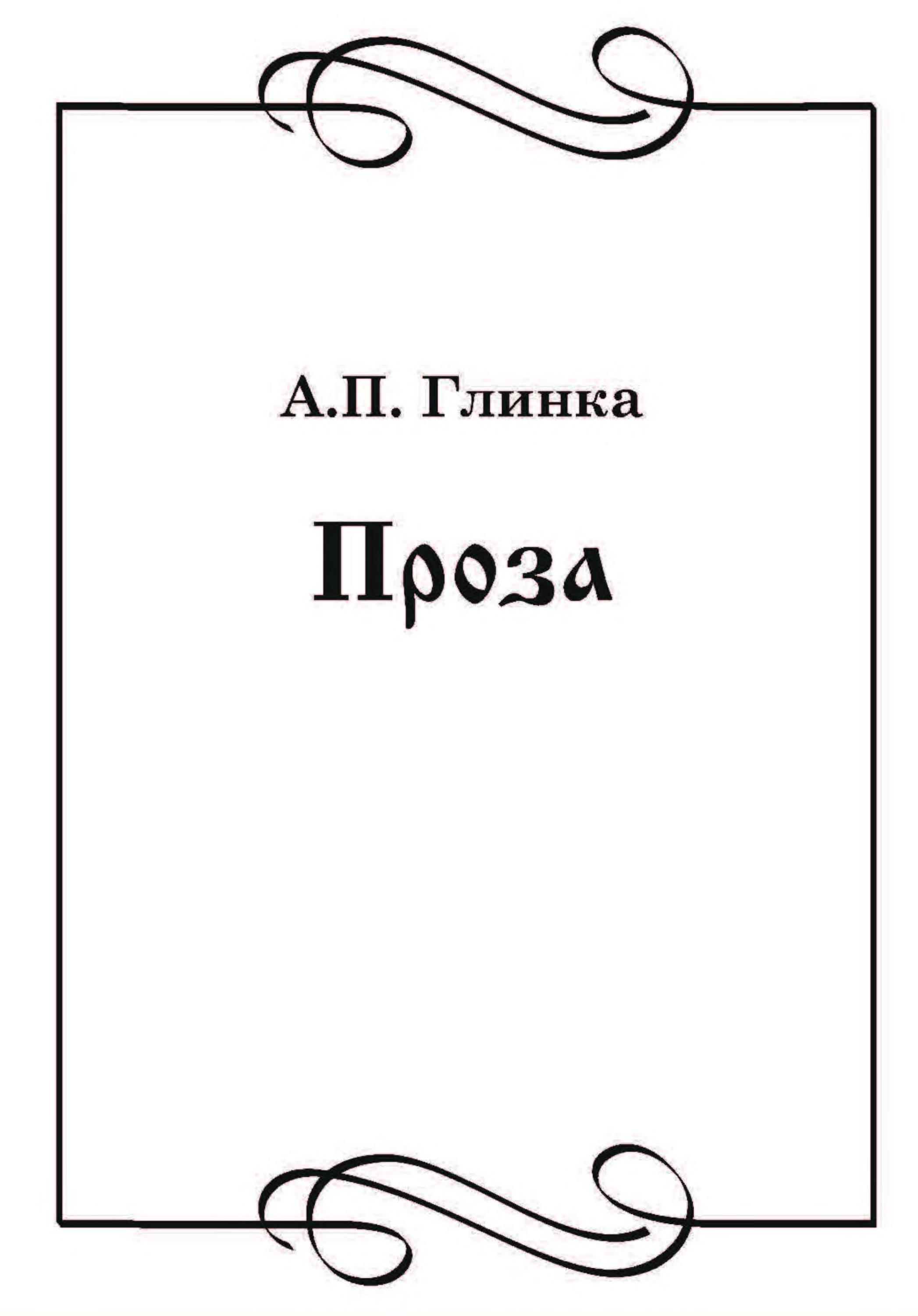

А.П. Глинка

Проза

А.П. Глинка

Проза

Тверь
2013

УДК 821.161.1-3-1
ББК 84(2Рус=Рус)4-6
Г54

Глинка А.П.
Г54 Проза / Сост., подгот. текстов, вступит. статья С.А. Васильевой. – Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. – 147 с.
ISBN 978-5-905621-31-4

В издании представлены проза и драматургия А.П. Глинки. Большинство текстов публикуется впервые по рукописям Государственного архива Тверской области.

УДК 821.161.1-3-1
ББК 84(2Рус=Рус)4-6

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РГНФ
и Правительства Тверской области
в рамках научно-исследовательского проекта
«Творчество А.П. Глинки»
(№ 12-14-69001а/Ц).

ISBN 978-5-905621-31-4

Содержание

Проза А.П. Глинки

На литературные пристрастия Авдотьи Павловны Глинки (1795–1863) огромное влияние оказал ее муж, декабрист и писатель Федор Николаевич Глинка. Их свадьба состоялась в 1830 г., к этому времени Ф.Н. Глинка был уже признанным литератором, автором «Писем русского офицера», стихотворного сборника «Подарок русскому солдату», книги «Опыты священной поэзии». Ф.Н. Глинка не причислял себя ни к какой литературной школе, ни к какому направлению. В письме В.В. Измайлову (1826 г.) он утверждал: «Я не классик и не романтик, а что-то сам не знаю как назвать!» По мнению современных исследователей, литературные взгляды Глинки развивались на удивление автономно, «его нельзя причислить ни к романтикам, ни к сентименталистам, ни к классицистам, ни к откровенным реалистам» [13, 7].

С 1835 г. Глинки жили в Москве, где А.П. Глинка еженедельно устраивала в литературные вечера, которые стали заметным явлением московского быта того времени и посещались «людьми великого ума и дарований»: «В каждый понедельник съезжались на вечер все, того времени, писатели, мыслители, артисты. Нередко сбиралось до сорока человек, и, несмотря на тесноту помещения, гости оставались до двух и трех часов за полночь. Разумеется, что Авдотья Павловна, с ее музыкальным и литературным талантом, была душою этих московских понедельников» [8, 6]. Среди знакомых и друзей Глинок в этот период были многие известные литераторы: М.А. Дмитриев, Ф.Б. Миллер, И.И. Лажечников, Ф.И. Тютчев, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, А.С. Хомяков, В.И. Даль, М.Н. За-

госкин, Аксаковы и др. По своим взглядам Глинки были близки к славянофилам, поэтому в их дом приходили многие, разделявшие их убеждения.

В литературно-критических заметках А.П. Глинка среди лучших называет писателей, которых ценил ее муж. Ссылаясь на слова критика о «преданиях прошлого золотого века», она пишет: «Если это век Державина, Карамзина, Жуковского и Батюшкова, то и я скажу, что это был *золотой век* и готова оставаться ему навсегда верною, как верна и преданна всему истинному, высокому и прекрасному» [5, 4]. Имена Державина и Карамзина встречаются уже в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки. Что касается Жуковского, то Глинки были с ним хорошо знакомы. В 1820-е гг. Ф.Н. Глинка считал «первыми поэтами нашего времени» Жуковского и Пушкина [10, 493], на поэзию самого Ф.Н. Глинки оказало влияние творчество старшего современника, Жуковского, в частности, его «культ тайны», «интерес к мистике и потустороннему» [11, 157]. Один из первых опубликованных литературных опытов А.П. Глинки, перевод «Песни о Колоколе» Шиллера, получил одобрительный отзыв Жуковского, сказавшего: «Я несколько раз принимался за Колокол, но никогда не был доволен собою и оставлял; ваш же перевод так отчетист и красив, что сам Шиллер полюбовался бы им!» [8, 7]. А.П. Глинка посвятила знаменитому поэту стихотворение «Василию Андреевичу Жуковскому» (сборник «Задушевные думы»). Отношение мужа к Пушкину А.П. Глинка не разделяла, очевидно, помнила критические высказывания последнего о произведениях Глинки. По воспоминаниям одной из слушательниц «Таинственной капли», она сказала ей: «Напрасно вы пришли <…> Это писал не

какой-нибудь негодяй Пушкин или пьяница Лермонтов, а апостол Федор» [17, 169].

Зарубежная литература также включалась в круг интересов Глинок. А.П. Глинка считала, что «для Гомера, Шекспира и других гениев нет ни прошлых, ни настоящих веков. Века, украшенные их именами, бессмертны их бессмертием» [5, 4]. Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера» неоднократно упоминает Гомера, причем демонстрирует прекрасное знание его произведений, цитирует «Илиаду», «Одиссею» и отсылает читателя к гомеровским сюжетам. В этом же ряду называются Вергилий и Тасс.

А.П. Глинка преклонялась перед творчеством мужа, особенно это относилось к его поэме «Таинственная капля». Отрывки из поэмы, вышедшей в России лишь в 1871 г., читались уже в 1840-е гг. Известно, что летом 1846 г. Глинки читали ее в Сокольниках: «начало поэмы прочел Федор Николаевич, между тем как Авдотья Павловна за него делала жесты; некоторые стихи она говорила вместе с ним, с каким-то завыванием» [17, 169].

Несмотря на приведенное выше негативное высказывание о Лермонтове, лермонтовские мотивы часто встречаются в поэзии А.П. Глинки. Прежде всего, это мотивы «скуки» и «грусти», отсылающие к стихотворению «И скучно, и грустно» («Господи! я изнываю…», «Странница», «Болезнь»). По-лермонтовски решаются темы поколения, пустоты светского общества, маскарада жизни, тема поэта-пророка («Не беспокойтесь, я подале…», «Не люди судят нас, не люди…», «Иди, иди путем страданий…» и др.).

Глинки негативно относились к эстетическим принципам «натуральной школы». О главном идео-

логе школы Ф.Н. Глинка пишет: «Белинский, как известно, писал резко, запальчиво и самоуверенно о всех авторах, пользовавшихся известностью. Он и во мне уничтожил всякий талант, всякую способность (ну, и Бог с ним!) Я не всегда огорчался его отзывами потому, что и сам не подозревал в себе большого таланта, а писал для утешения себя, в минуты грусти, во время больших моих несчастий. Но жена моя, любившая меня и мою поэзию, часто огорчалась резкими отзывами Белинского» [9, 7]. А.П. Глинка и к творчеству Гоголя относилась двойственно; высоко оценивая его талант, она не принимала произведений писателей «гоголевской школы»: «Вот и Гоголь, несмотря на его огромный талант, много сделал вреда. Пошли, без его таланта, его последователи и накидали грязи в литературу» [7, 52]. В 1850-е гг. позиция Ф.Н. Глинки «по отношению к “натуральной школе” несколько смягчилась: она, по его мнению, должна выполнять просветительские задачи, так как адресатом ее является “простой” читатель, не способный оценить истинных произведений искусства» [12, 44–45].

А.П. Глинка высоко ценила творчество А.И. Герцена, не разделяя, правда, его убеждений; о «Былом и думах» она писала автору: «Вы большой мастер в описаниях, лица у вас живые; вы и сердечные ощущения глубоко и верно перебираете. Но тут вы сами же и портите все. Вдруг, посреди живого рассказа или речей дельных ни с чего ни с сего у вас является горький, обидный сарказм, и хорошее впечатление вами сделанное неприятно исчезает» [7, 43]. Резкость, по мнению Глинки, нашла отражение и в речи: «ваш язык в иных местах опускается очень низко, до неприличия в хорошем обществе, а если

вы пишете только для нашего народа, то он и подавно не поймет ваш ученый язык, нашпигованный иноземными словами» [7, 45].

С 1853 г. Глинки жили в Петербурге, на «понедельники» стали вновь собираться писатели, поэты, артисты. Частыми гостями были П.А. Вяземский, Н.И. Греч, П.А. Плетнев. Отношения с петербургской журналистикой складывались непросто. В 1856 г. в «Современнике» появилась негативная рецензия на повесть А.П. Глинки «Графиня Полина». Разбирая эту рецензию по пунктам, А.П. Глинка дает оценку и всей современной журналистике: «С некоторого времени, в некоторых журналах, присвоивших себе право суда и расправы, стали появляться (под названием критических обзоров) статьи, в которых неизвестные люди, утаив имена свои, играют именами известных писателей – судят, рядят и, осудив своим самосудом, печатают приговоры свои во всепрочтение всей читающей России» [5, 1]. Больше же всего Глинку задели ссылки на детали и события, которых в ее повести нет: «Но пусть бы осуждали сочинения, пусть бы и на белом отыскивали черные точки, пусть бы выставляли опечатки, обмолвки, *ошибки грамматические*, погрешности против состава речи, здравой логики и тому подобное! – Совсем не то! – Они берут в руки *сочинение* только для вида, а все свои виды, намеки, остроты и колкие иносказания обращают прямо на сочинителя. Личность преследует лица, безымянность позорит имена!!» [5, 1].

В Петербурге Глинки поддерживали отношения с П.А. Вяземским. Известно, что еще в 1848 г. Ф.Н. Глинка читал главы из «Таинственной капли» у Вяземского для петербургских литераторов, а на

следующий день в письме предлагал ему устроить более основательное прослушивание. До конца жизни Глинки дружили с Погодиным, сохранились письма Глинки Погодину 1850-х—1870-х гг., известно, что он заезжал к Глинке в Тверь в 1872 г.

Изложенные литературно-эстетические установки нашли отражение и в собственном творчестве А.П. Глинки, в первую очередь в прозе. Она была автором не только многочисленных стихотворений, публиковавшихся в крупнейших журналах того времени («Современник», «Библиотека для чтения», «Маяк», «Москвитянин» и др.), но и прозаических произведений, наиболее крупные из которых рассказ «Домашняя знакомая» (1850), повести «Только три недели» (1851), «Леонид Степанович и Людмила Сергеевна» (1856), «Графиня Полина» (1856), «Катя» (1858), мемуаров «Мои воспоминания о незабвенной Е.В. Новосильцевой» (1850). Санкт-Петербургский совет детских приютов рекомендовал «Гибель от пустого чванства» (1852) для занятий в своих учебных заведениях. Широко были известны ее произведения религиозного характера «Жизнь Пресвятой Девы Богородицы, из книг Четьи-Минеи» (1840), «Житие великомученицы Анастасии, поименованной узорешительницею» (1863). В 1859 г. А.П. Глинка была избрана почетным членом Общества любителей русской словесности при Московском университете.

Одно из ярких произведений петербургского периода – повесть «Леонид Степанович и Людмила Сергеевна» (1856). Интересна она тем, что это одно из первых произведений в русской литературе, в центре которого стоит герой-нигилист. Уже в середине 1850-х гг. Глинка сумела уловить основные черты нового явления в русской жизни, нигилизма,

раньше, чем это сделали И.С. Тургенев в «Отцах и детях» и И.А. Гончаров в «Обрыве». У Леонида, как и будущих нигилистов Базарова и Волохова, нет никакой конкретной программы. Он говорит, что не любит мелочей ни в каком роде, что «заниматься можно сюжетами или гуманными, или универсальными» [4, 188]. Он произносит какие-то громкие фразы, не наполненные содержанием, а иногда бессмысленные, так что его можно назвать предшественником даже и не Базарова, а Ситникова и Кукшиной. Возможно, одним из прототипов Леонида был А.И. Герцен. Во всяком случае, цели Герцена Глинке видятся так же абстрактно. Позднее, обращаясь к Герцену, она напишет: «в ваших раздражительных возгласах так все неопределенно, что поневоле вырывается вопрос: что надо и чем и как исправить все худое вами находимое. Лекарства на эти недуги вы не назначаете. Вы недовольны властями, народами, обществом, а все-таки не говорите, как бы вы желали, чтоб оно все преобразовалось и в каком виде стало бы перед вами <…>» [7, 46].

Глинка много размышляла о народе, о его бедственном положении. Она состояла членом Дамского попечительного о бедных общества (председатель – кн. С.С. Щербатова, [материалы общества см: 14; 15]) и была избрана попечительницей Яузской части Москвы, в которой насчитывалось 90 бедных семей: «Там познакомилась она на деле с чердаками, подвалами и темными углами бедных <…> Все дни ее наполнились перепискою за бедных и для бедных. Она писала, просила, рекомендовала, часто заступалась и отстаивала!» Она стала одним из организаторов благотворительного общества «Доброхотная копейка», которое помогало семьям бедных чиновни-

ков. Замысел создания общества возник в 1840-е гг.: проект «Доброхотная копейка для бедных» был написан в 1845 г. и переведен П.Я. Чаадаевым на французский язык.

Большинство произведений А.П. Глинки имели религиозно-нравственное содержание, часть из них была адресована читателю из народа. Сохранившиеся рукописи свидетельствуют, что А.П. Глинка много внимания уделяла духовно-нравственному просвещению народа. В Государственном архиве Тверской области сохранился целый свод произведений, адресатом которых были люди необразованные или даже неграмотные. С этой целью Глинка создала «Беседы», в которых она объясняет, как надо «жить на этом свете», чтобы «угодить Богу, быть честным человеком и спасти свою душу» [6, 50]. Она рассказывает, как Бог сотворил мир, почему изгнал человека из рая, как должен жить христианин и т.д. Беседы написаны просто, Глинка старается разговаривать с народом языком, ему понятным, используя пословицы и поговорки, просторечия («смекнуть», «обойтиться», «припеваючи» и др.)

В 1840—1850-е гг. Глинки жили в Москве и Петербурге, но часто приезжали в Тверь и в Кузнецово. В это время «Авдотья Павловна ближе сходится с духовенством и подвижниками, усердно посещает храмы и обители, особенно Желтиков монастырь, где погребен ее отец, охотно занимается благотворительностью» [16, 33]. Она стала автором популярной книги «Жизнь Пресвятой девы Богородицы из книг Четьи-Минеи» (М., 1840), которая выдержала 16 изданий (последнее – М., 1915). Кроме опубликованных произведений в жанре житийной литературы, ею были написаны и другие: «Жизнь и подвиги свя-

того, славного и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова» и «Жизнь апостола и евангелиста Луки, первого списателя лика Пресвятой Девы Богородицы» [3]. На первый план выступают здесь нравственные уроки, которые дает жизнь каждого святого. Их вера, бескорыстное служение Богу должны дать пример каждому христианину. Жития Глинки представляют собой упрощенное изложение «Жития святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова» и «Жития святого апостола и евангелиста Луки» митрополита Дмитрия Ростовского. Тексты Ростовского были созданы в конце XVII в. (работа над житиями началась в 1684 г.), в середине XIX в. они воспринимались сложно. Глинка упрощает, адаптирует жития Ростовского для восприятия читателя из народа. Она избегает прямого цитирования, устаревшие слова дает в переводе на современный ей язык. Задачей любого жития является восхваление святого, описание его подвигов, сотворенных чудес. Глинке было важно показать, что искренняя стойкая вера в Бога может сделать каждого человека исключительным, возвысить над обыденностью, что вера вознаграждается.

Нравственно-воспитательную цель носили и «Подневные рассуждения» Глинки [1, 1–9, 11–24]. Записи для ежедневного чтения имели подзаголовки: «2 августа. Собственная правда», «3 августа. Псалмопевец», «4 августа. Евангелие и книги, сочиненные людьми», «5 августа. Послание Павла», «6 августа. Илья и пророки» и т.д. Каждой записи был предпослан эпиграф – цитата из Библии, а само рассуждение представляло собой развернутый комментарий к ней. Это были, в основном, размышления на религиозные темы, но затрагивали они и проблемы

светской жизни. Так, запись от 6 августа называлась «Посещение один к другому», эпиграф: «Не учащай дом ближнего твоего, да наскучиши ему и возненавидит тя» (Притчи. XXV. 17). Далее Глинка пишет о том, что нельзя часто посещать дома друзей, поскольку «очень много теряют люди в близком знакомстве. <…> У нас, в нашем характере, есть глубокие недостатки. Эти недостатки могут выказаться нечаянно и унизить нас в глазах посторонних. Если мы где и оставили хорошее впечатление, не будем на него считать: легко может случиться, что на другой же день в нас не найдут уже вчерашнего человека». Выход Глинка видит в вере, в следовании законам Бога: «Принесем Господу как жертву доброе об нас мнение и вместе с тем станем беспрестанно выказывать пред Ним те недостатки, которые могут отвратить от нас. Станем менее рассеиваться и займемся прежде всего устройством внутренной жизни и предпочтем драгоценнейшее свидетельство Христа всякой похвалы одобрению человеков. Одна ошибка может нас уронить и лишить уважения света: ничто так не изменчиво, как мнение, но если мы пойдем твердо с Господом, если пожелаем только Ему нравиться и угодить, мы понравимся и другим и вся жизнь наша будем ознаменована Его печатью». Нравственно-воспитательную цель преследовали и размышления на религиозные темы «Бдите и молитесь», «О страстях», «Страх Божий», «Сила».

До последних дней важной составляющей жизни А.П. Глинки была религия: «Авдотья Павловна, при всем ее светском обаянии, казалась <…> религиозно одержимым человеком, нетерпимым к теплохладности в вопросах веры. Так, возможно, оно и было, если учесть, что многие аристократы и деятели культуры

той поры стремились соблюдать лишь внешнее благочестие. Авдотья же Глинка душой пребывала в церкви <…>» [16, 33]. В целом же, отношение Глинок к литературе было во многом обусловлено их христианским мировоззрением. Они считали, что литература должна воспитывать, способствовать нравственному совершенствованию читателя. Поэтому так много пишут Глинки о религии, поэтому занимаются переложением Священного Писания. И в литературе и в быту Глинки пропагандируют духовность и служение высшим идеалам.

Литература:

1. [*Глинка А.П.*] Афоризмы и отрывки разных произведений А.П. Глинки // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 1008.

2. *Глинка А.П.* Доброхотная копейка для бедных (проект, написанный в 1845 году) // О жизни и кончине А.П. Глинки. – СПб.: В типогр. Имп. акад. наук, 1864.

3. *Глинка А.П.* Жизнь Иоанна Богослова <и другие произведения // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 979.

4. [*Глинка А.П.*] Леонид Степанович и Людмила Сергеевна. Повесть А.П. Глинки. – СПб.: В тип. Э. Беймара, 1856. – С. 65–66.

5. *Глинка А.П.* Мысли и замечания при чтении (в апрельской книге Современника и С.-Петербургских ведомостей от 21 апреля № 85) *двух* критических *статей* на мою повесть, под заглавием «Графиня Полина» // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 971.

6. [*Глинка А.П.*] Отрывки разных статей, заметок А.П. Глинки // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 1022.

7. [*Глинка А.П.*] Письмо А.П. Глинки [Текст] // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под общ. ред. В. Бонч-Бруевича. – Вып. 8. – М., 1959. – С. 41–54.

8. [*Глинка Ф.Н.*?] О жизни и кончине А.П. Глинки. [Текст] / Ф.Н. Глинка. – СПб.: В типогр. Имп. акад. наук, 1864. – 26 с.

9. *Глинка Ф.Н.* <Ответы Евдокии> [Текст] // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 1052.

10. *Глинка Ф.Н.* Письма к другу / Ф.Н. Глинка. – М.: Современник, 1990.

11. *Греков В.Н.* Глинка Ф.Н. [Текст] // Биобиблиографический словарь в 2 т. – М.: Просвещение, «Учебная литература, 1996. – Т. 1.

12. *Ерохина Л.Л.* Глинка Федор Николаевич [Текст] // Эстетические отношения искусства и действительности. – Тверь: ТвГУ, 2002.

13. *Зверев В.П.* Великодушный гражданин [Текст] // Глинка Ф.Н. Письма к другу. – М.: Современник, 1990.

14. Материалы общества «Дамское попечительство о бедных»: письма, просьбы, отчеты // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 1024.

15. Переписка и разные сведения о деятельности А.П. Глинки в Московском обществе дам-попечительниц о бедных 1839-1852 // ГАТО. – Ф. 103. – Оп. 1. – Ед. хр. 1023.

16. *Стриженов А.* Русские жизнеописания. А.П. Глинка // Роман журнал XIX в. 2005. № 1.

17. *N. Ольга* [*Энгельгардт С.В.*] Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. Ноябрь. Т. 193.

С.А. Васильева

Жизнь и подвиги святого, славного и всехвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова*

Св<ятой> апостол и евангелист Иоанн Богослов был сын Зеведеев и Соломии, дочери Иосифа Обручника. От сетей рыбаря. Он воззван на проповедание Евангелия. Проходя берегом моря Галийского, избирая апостолов из рыбарей и призвав уже к себе обоих братьев Петра и Андрея, Иисус Христос встретил семейство Зеведеев: отца с двумя его сыновьями – *Иаковом* и *Иоанном*. Оба они были в лодке, исправляя свой невод, когда Христос сказал: «Идите за мною!» – И, оставя отца и лодку, они пошли за Ним. Спаситель, приблизя к себе Иоанна, дал ему прозвание «*Сын-грома*», в знамение того, что его богословие, подобно грому, услышано будет во всей вселенной. Ученик, следуя за своим Божественным Учителем, поучался премудрости из уст Его. Много возлюбил Христос ученика своего за его совершенное незлобие и девственную чистоту. Господь предпочитал его другим двенадцати. Он был в числе трех ближайших, которым Христос преимущественно открывал Божественные тайны свои. Шествуя воскресить дочь Иаира, Он взял с собою только *Петра, Иакова и Иоанна*. Равномерно и на Фаворе, захотев по-

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 979. Л. 1–30. Здесь и далее орфография и пунктуация отчасти приведены в соответствие с современными нормами. Текст «Жития…» представляет собой упрощенное изложение «Жития святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова» Д. Ростовского.

казать славу Божества своего, Он взял с собою тех же *Петра, Иакова и Иоанна.* И во время священного бдения, в последнюю ночь, в вертограде, были с Ним только *Петр* и оба сыны Зеведеевы; им-то Христос, пред великим молением своим, сказал: «останьтесь здесь, пока я помолюся». Иоанн следовал за Иисусом всюду, как *любимый* ученик Его. Всем известно, что Христос так любил его, что дозволил возлечь ему на персях своих во время *Тайной вечери*, когда изрек слово о своем предателе и все ученики, озираясь, в недоумении, друг на друга, безмолвно вопрошали: «О ком Он *это* говорит?» Сам Иоанн повествует об этом в своем Евангелии так: «Един от ученик, возлежа на лоне Иисусове, Его же любляше Иисус». Петр, изумленный, как и другие, сказал тогда же этому ученику: «спроси, о ком Господь говорит?» И, восклонясь на перси Христовы, ученик этот спросил у Него: «Кто же, Господи, предаст Тебя?» –

Все это доказывает особенную любовь Христа к Иоанну. Ему одному невозбранно позволено было восклониться на перси Господа и дерзновенно вопросить Его о тайне, их возмутившей. Равномерно и сам Иоанн более других учеников был привязан к своему Учителю. Он один не покинул Его и в самые ужасные минуты. Неотступно смотрел он на муки Христовы, душою разделял Его страдания, плакал, рыдал и вместе с Пресвятою Девою до самой крестной смерти Спасителя не отходил от страдавшего за нас Сына Божия! За то у подножия креста усыновлен он Святой Девой. Воззрев на мать свою и любимого ученика, Христос сказал ей: «Жена! се сын твой!» а ученику: «се мати твоя!» И с того часа ученик взял порученную ему мать Господа своего и, воздавая Ей достодолжное почтение, служил ей как сын до слав-

ного Ее успения. При погребении Матери Божией св. Иоанн нес перед одром опочившей святозарную ветвь, врученную Архангелом Гавриилом Деве Матери при вести о переходе Ее с земли на небо!

Вскоре после Успения Пресвятой, Иоанн отправился с учеником своим Прохором в Азию*, страну, доставшуюся ему по жребию для преподавания Евангелия. С грустию пошел он в этот путь, провидя, что на море потерпят они великое бедствие, о чем и прорек ученику своему Прохору. И в самом деле, едва сели они на корабль в Иоппии и поплыли морем, как вдруг настала с одиннадцатого часа дня жестокая буря. Ночью корабль разбился и все бывшие на нем носились по волнам, держась кто за что успел ухватиться. В шестый час дня море извергло на берег всех живых и Прохора, в пяти верстах от Селевкии. Но Иоанн остался в море. Много скорбел и плакал об нем Прохор, отходя в Азию. После двухнедельного пути прибыл он в одно селение, лежащее при морском береге, и там становился отдохнуть. Горько было ему смотреть на море. Он вспомнил об Иоанне, и вдруг волны расходились, запенились, зашумели и выплеснули на берег Иоанна живого! Прохор, еще не зная, что подумать, пошел поглядеть ближе, какого человека извергло море, и вдруг увидел Иоанна и кинулся поднимать его с земли. Тут обнялись они, заплакали и вместе благодарили Бога за чудесное спасение.

Иоанн, беспрестанно плавая по морю целых 40 дней и ночей, остался жив по благости Господней. Вместе вошли они в селение, попросили хлеба и воды и, укрепившись силами, отправились в Ефес.

---

* В рукописи: Асию.

При входе в город встретилась им одна жена, по имени *Романа*, издавна известна<я> даже в самом Риме своими гнусными делами. В Ефесе содержала она общую баню. Она наняла пришельцев для прислуги в этой бане, заставляла их работать неутомимо, непомерно, жестоко обходилась с ними. Завлекши их к себе в рабство, заставляла она Иоанна беспрестанно поддерживать огонь в печи, а Прохор имел назначение носить и поддавать воду. Долго пробыли они в такой изнурительной работе. В этой нечистой бане с давнего времени поселился бес, который каждый год удушал одного юношу или отроковицу, приходивших туда для омовения. Рассказывали, что во время закладки бани, по научению злохитростного беса, погребли в основание живыми юношу и отроковицу, и с самых тех пор начались подобные умерщвления. Однажды пришел в баню отрок по имени *Домн*, сын Диоскорида[*], начальника города. Едва стал он мыться, как бес напал на него и удушил несчастного. Во всем городе Ефесе крайне сожалели о юноше, а Диоскорид, узнав о смерти сына, и сам умер с печали. Романа, терзая себя, ломала с тоски руки и умоляла Артемиду воскресить Домна, но успеха не было! Тогда Иоанн, услышав шум в доме, спросил у Прохора, что сделалось? – Романа, в сердцах, вслушавшись в их разговоры, кинулась на Иоанна и начала бить его немилосердно, слагая на него вину смерти Домна. Наконец сказала ему: «Если ты не воскресишь Домна, я вырву из тебя твою душу!» Иоанн стал – помолился, и отрок воскрес!.. Ужаснулся и вострепетал дух Романы, увидя такое чудо. – В изумлении она воскликнула: «Он должен

---

[*] В рукописи здесь и далее – Диоскорит.

быть Бог или сын Божий!» Но Иоанн, пользуясь сим, повел слово о силе Христовой и стал учить вере в Распятие. Тут воскресил он и Диоскорида, который с сыном и Романой уверовали во Христа и крестились. Великий страх напал на видевших событие, и некоторые стали говорить о Иоанне и Прохоре, что они волхвы. Другие возражали на это, что волхвы мертвых не воскрешают. Иоанн же, продолжая действовать, изгнал навсегда лукавого беса из бани, а сам остался с Прохором в доме у Диоскорида, утверждая в вере новопросвещенных и научая их провождать жизнь добродетельную.

Однажды, в Ефесе, во время торжества в честь Артемиды, когда все люди в белых праздничных одеждах ликовали в храме богини, Иоанн взошел на самое высокое место и, став возле идола, начал громогласно обличать народ в слепоте его и в том, что они сами не ведают, кому поклоняются, ибо вместо Бога служат бесу и честят нечистого! Народ, услышав такое странное обличение, пришел в ярость, и каменья посыпались на Иоанна. Но из множества брошенных ни один камень не попадал в него, а, напротив, всякий возвращался назад, убивал того, кем был брошен. Тогда Иоанн воздел руки к горе и начал молиться. Небеса услышали моление его, и вдруг распространился в воздухе жар до того нестерпимый, что тут же около двухсот человек пали мертвыми. Прочие от страха и трепета едва могли опомниться и общим голосом стали умолять Иоанна о пощаде. Снисходя на прошение народа, он помолился Богу и тотчас все умершие восстали и, припав в ногам воскресителя, уверовали в Христа воскресшего и сподобились Св<ятого> прощения. Также, в Ефесе, на месте, называемом *Тихи*, апостол исцелил боль-

ного, лежавшего 12 лет в расслаблении. Исцеленный встал и прославил Бога.

Многие знамения и чудеса, творимые Иоанном, распространили повсюду молву о нем, и бес, издавна пребывавший в капище Артемиды, уразумев скорую погибель свою, обратился к хитростям. Он принял на себя образ воина и, сев на видном месте, при дороге, горько плакал. Проходящие спрашивали печального, откуда он и о чем так горько плачет? На что тот отвечал, что он главный начальник темниц в Кесарии, что надзору его были поручены два волхва, которые убежали. «Эти волхвы, – продолжал он, – Иоанн и Прохор! Они уже осуждены на смерть за их злые дела и приговор должен был над ними совершиться. Но вот, посредством своего волхвования, освободились они от оков и ушли из темницы! А я, несчастный! остался теперь в беде! Князь, разгневанный побегом осужденных, грозит предать меня смерти. Я отпущен на краткий срок, чтобы преследовать бежавших, и вот узнаю, что эти волшебники у вас! Мое горе теперь в том, что я здесь один и не имею людей, чтоб помочь мне в этом деле». Рассказывая такие небылицы, бес показывал мнимую грамоту, свидетельствующую о происшествии, и большой мешок с золотом, обещая награду тому, кто схватит или погубит бежавших волшебников. Некоторые из городских воинов, услышав этот рассказ, сжалились над этим мнимым начальником тюрьмы и пошли возмущать народ. Толпы неистовых побежали к дому Диоскорида, крича: «Отдай нам волхвов или сожжем дом твой!» Диоскорид желал лучше потерять дом, нежели выдать апостолов. Но Иоанн, провидя, что из этого мятежа может выйти добро, выступил сам к бунтующим и, вместе с Прохором,

предался народу. Толпа мятежников повела своих пленников в храм Артемиды. Среди мятежных криков Иоанн стал молиться, и внезапно храм идольский зашатался и пал, не причинив, однако ж, вреда людям. Тогда апостол, пред лицом народа, вопросил гнездившегося в капище беса: «Тебе говорю, – воскликнул он, – нечистый! отвечай мне: сколько лет живешь ты в сем храме и не ты ли возмутил теперь народ против нас!» «Я пребываю 249* лет в этом храме, – отвечал голос из храма, – и возмущение народа против вас сделал я!» «Так заклинаю тебя, во имя Иисуса Назарянина, оставить место сие!» И бес, не вытерпя силы слов сих, вышел и убежал! – Ужас объял предстоящих, они уверовали во Христа. Впоследствии Иоанн сотворил еще много чудес и множество народа обратилось ко Господу.

Между тем римский кесарь Домициан воздвиг свое жестокое гонение на христиан. Злоба гонителей преследовала Иоанна; Епарх Асийский, связав, отправил его в Рим. Там, за святое проповедание о Христе, подвергся он истязанию: сначала его били, потом заставили выпить чашу с смертоносным зелием. Но, видимо, исполнились слова Христовы: «если и смертоносное что испить, не повредит вам!» Наконец мученик ввергнут в котел с кипящим маслом, но и этот опыт не одолел хранимого свыше: он вышел невредим! Народ, увидев эту чудотворную, доселе невиданную силу, возопил: «велик Бог христианский!»

Таким образом, эти сверхъестественные явления, происходившие чрез апостола, так изумили кесаря,

---

* В «Житии… Иоанна Богослова» Д. Ростовского – 109 лет.

что он уже не осмелился более его мерить, а осудил только на изгнание, на остров Патмос. Господь пророк ему об оных во сне: «много ты пострадаешь, и тебя изгонят на один остров, которому ты нужен!» И вот, после приговора, по приказанию самого кесаря, воины повели узников, Иоанна с Прохором, на корабль для отплытия в место их изгнания. После нескольких дней плавания однажды случилось, что царские сановники, сидя, пировали за пышным обедом, где множество было роскошных блюд и питий. Один из них, тут бывший юноша, как-то, нечаянно завеселившись, упал с корабля в море и утонул. Тогда веселье пирующих обратилось в плач, а радость в скорбь, ибо они не в силах были помочь упавшему в глубину морскую. При этом плачевном происшествии более всех скорбел отец юноши, и, если б не удержали его, он, с печали, бросился бы в море. Сановники Кесаря и другие, бывшие в Риме свидетелями чудодейственной силы Иоанна, бросились к Нему, умоляя святого помочь им. Не внимая их просьбам, он начал всякого расспрашивать поодиночке, какого Бога он почитает? Иной говорил Дия, другой Аполлона, кто Ираклия, который Артемиду Ефесскую. Иоанн сказал им: «Вот видите ли, какое множество у вас Богов, а они не могут спасти утопшего! После этих слов он ушел и оставил их сокрушаться до утра. Однако, при наступлении дня, ему самому жаль стало погибшего; он усердно, со слезами, начал вопиять и молиться Богу, чтоб возвратил к жизни юношу. Услышал Бог молитву прославлявшего Его и, по прошествии некоторого времени, к величайшему изумлению предстоящих, море закипело, и одна из волн, поднявшись до высоты корабля, выплеснула к ногам Иоанна живого юношу. Ужасну-

лись и возрадовались язычники, увидев это новое чудо от апостола, которому стали тогда оказывать большое почтение, и тотчас сняли с него оковы.

Сила Божия не преставала действовать чрез Иоанна, много было еще прежних явлений – и вот однажды ночью восстала жестокая буря, все уж совсем отчаялись в спасении жизни, видя, что корабль сокрушается, опять возопияли о помощи к апостолу, чтоб он умолил своего Бога спасти их от погибели. Иоанн повелел малодушным замолчать, а сам начал молиться – и мгновенно буря затихла и наступила великая тишина... Не уставая помогать страждущим, угодник Божий исцелил вскоре отчаянно больного воина, бывшего тут же на корабле.

К видимому прославлению силы Божией Иоанн еще сотворил чудо. На корабле оказался недостаток в воде, до того, что множество людей, сгорая от жажды, находились при дверях смерти. Великий подвижник приказал Прохору наполнить несколько сосудов морскою водою, и, когда все было готово, он сказал жаждущим: «Почерпните и пейте во имя Иисуса Христа». Почерпнувшие нашли воду сладкую и, испивши ее, отдохнув, возвратились к жизни.

Эти все чудеса так подействовали на плывущих, что все они крестились и хотели совсем отпустить Иоанна, но он уговорил их довести его до назначенного ему места ссылки.

По прибытии в Патмос апостол вручил письмо игемону, которого тесть, по имени Мирон, пригласил обоих странников к себе в дом. Старший сын его Аполлонид страдал от беса пытливого, который прорицал из него будущее, и потому все почитали Аполлонида за пророка. Едва Иоанн вошел в дом Мирона, как вдруг, неизвестно от чего, Аполлонид

пропал без вести. Он сделал это от страха, по внушению беса, который знал, что апостол выгонит из юноши пытливого духа. Между тем, не понимая ничего, в семействе сокрушались о бежавшем до той минуты, пока вдруг получили от него письмо. Он писал, что приезжий гость есть волхв и своими чарами выгнал его из отеческого дома. И что он не иначе может возвратиться в дом отцовский, как по смерти волхва Иоанна. Мирон, прочитав письмо, пошел прямо к игемону, зятю своему, и рассказал о случившемся.

Игемон повелел взять Иоанна и отдать на съедение зверям. Апостол упросил его пообождать некоторое время, прося позволения послать ученика своего Прохора к Аполлониду, обещая при том, что он возвратится к отцу своему непременно. Игемон согласился, однако, до возвращения Прохора, велел надеть оковы на Иоанна и заключил его в темницу. Вот с каким посланием отправился ученик к бежавшему: «Иоанн, апостол Иисуса Христа, сына Божия, пытливому духу, гнездящемуся в Аполониде, повелевает: “Именем Отца, и Сына, и Святого Духа изыди из создания Божия и никогда не дерзай в него возвратиться, а пребывай один вне сего острова, в местах безводных, не посещаемых человеком!”» Едва Прохор прибыл к Аполлониду с этим повелением, как бес выскочил и убежал от страдальца. Юноша тотчас образумился и, как будто проснувшись от сна, немедля возвратился с Прохором к отцу. Но не пошел он к себе в дом, а прямо бросился в темницу к великому мученику, припал к ногам его и благодарил за избавление от мучителя. Все родные, узнав о возвращении юноши, собрались в доме отца его радоваться вместе с

ним о найденном. Иоанна, виновника этой радости, тотчас освободили от оков и темницы. После первых родственных восторгов Аполлонид признался и рассказал, как и что с ним происходило. «Давно, уже не вспомню, сколько лет тому назад, – говорил он, – однажды спал я на своей постеле глубоким сном; вдруг, посреди крепкого сна, какой-то незнакомый человек вошел ко мне в спальню, стал возле моего ложа с левой стороны и, схватив меня, потряс, сильно потряс и разбудил. Впросонье, взглянув на него, я ужаснулся. Он показался мне чернее обожженного пня. Очи его горели как светильники. Я вострепетал еще более от страха, когда он мне сказал: "Открой уста твои!" Невольно они открылись, и я не понимаю, как это произошло, что он весь вскочил в уста мои, наполнил внутренность мою и, с того самого часа, какою-то неведомою мне силою, я начал прорицать о будущем и узнавать все худое и хорошее. Когда вместе с отцем моим вошел к нам Христов апостол, дух, во мне гнездившийся, воскликнул: "Беги, беги отселе, Аполлонид! если не хочешь погибнуть: этот человек твой враг, – он волхв и хочет умертвить тебя!" Я послушался своего мучителя – и убежал в другой город. По прошествии некоторого времени, когда я хотел опять к себе возвратиться, нечистый не допускал меня, пугая такими словами: "Смотри, пока Иоанн не умрет, тебе нельзя будет жить в своем доме!" Повинуясь силе, мною управлявшей, я оставался на чужбине до того времени, пока Прохор прибыл в тот город, где я находился. Едва вошел он ко мне, едва взглянул я на посланника апостолова, как лукавый вышел из меня тем же путем как вошел. О! как мне легко стало!.. Ум мой

просветлился, и теперь мне так свободно и хорошо!» Услышав этот рассказ, все присутствовавшие припали, с умилением и благодарностию, к ногам Иоанна. Посланный свыше для насаждения Божественного слова в сердца, не проникнутые еще лучом благодати, проповедал им о Господе и научил веровать во Иисуса Христа. Проникнутые до глубины души силою слова, Мирон и все семейство его уверовали в Христа Спасителя Сына Божия и крестились. Неизреченною, неизвестною дотоле им радостию преисполнились сердца новообращенных.

Вскоре последовала этому же спасительному примеру жена игемона, дочь Миронова Хризипа*, и крестилась с сыном своим и со всеми домочадцами. Так могущественно действовала благодать, проникая в души в словах апостола! Сам игемон острова Лаврентий крестился и свергнул с себя иго начальнической власти, чтоб свободнее работать Господу. –

После всех этих происшествий великий подвижник вместе с Прохором оставался еще три года в доме Мирона, среди его семейства.

Не переставая действовать силою Христа, Иоанн неутомимо насаждал слово жизни и много еще в сем месте сотворил знамений и чудес во имя Распятого, исцеляя недуги, прогоняя бесов. Храм Аполлона, возвышавшийся на острове, имевший множество поклонников, сокрушился силою его слова со всеми своими идолами. Это чудодейственное знамение обратило много людей ко Христу.

---

* В «Житии… Иоанна Богослова» Д. Ростовского – Хризиппида.

Во время пребывания апостола на острове, ознаменованном его чудодейственною силою, жил в той стране волхв, по имени Кинох*. Водворясь в глухом и пустынном месте, он уже издавна имел общение с духами нечистыми. Ослепленные островитяне-язычники почитали его каким-то богом за явления сверхъестественной силы его. Жрецы аполлонова храма, крепко негодовавшие на Иоанна и в озлоблении за разорение капища их, и за то, что он обращал людей к своему учению и вере во Христа, чтоб отмстить и бесчестие, нанесенное их Богу, пошли к Киноху с жалобою на апостола. Объяснив горькую свою участь волшебнику, они вопияли о мщении. Старый волхв, хоть и выслушал их, но не захотел придти лично в город: потому, что он уже с давнего времени не оставлял пустыни своей и не ходил в город; а граждане сами прибегали к нему со всеми своими нуждами. Затем он обещал им, что пошлет в дом Мирона одного из князей своих, ангела лукавого, взять душу Иоанна и предать ее на вечное осуждение. Вот на другой же день поутру послал он одного из князей своих, лукавого духа, с повелением принести ему душу апостола. Как скоро бес пришел в дом Мирона, стал просить Иоанна, воин Христов тотчас узнал его и сказал: «Именем Христа повелеваю тебе, нечистый, не сходить с сего места, доколе не скажешь мне, зачем сюда пришел?» Связанный чудодейственным именем, бес остановился и рассказал ему все, как жрецы Аполлона приходили к Киноху и просили о смерти его. Но великий наш Кинох не захотел трудить себя и шествовать в город для одного негодного и ничего не значащего человека!

* В «Житии… Иоанна Богослова» Д. Ростовского – Кинопс.

«Вот как отвечал он просителям, прибавя: ступайте теперь домой, я наутро же пошлю к нему своего ангела с повелением взять душу его и принести ко мне да предам ее моею властию на вечное осуждение». Иоанн спросил беса, посылал ли тебя и прежде Кинох за душою человека? Бес отвечал: «В нем находится вся сила сатанинская: она в таком союзе с нашими князьями: потому и мы с ним всегда заодно: он слушает нас, а мы повинуемся ему!» Ученик Христов отвечал на это: «А я апостол Иисуса Христа – повелеваю тебе, духу лукавому, не входить ни в людей, ни в жилища их, ниже возвратиться к твоему Киноху, а выдти вон из острова навсегда и мучиться в пустыне». Едва произнесены эти слова, как бес исчез и покинул навсегда остров... Между тем Кинох, ожидая посланника и видя, что он не возвращается, нарядил с таким же поручением другого. Другой явился и подпал участи своего предшественника. В недоумении насчет его приказаний, Кинох еще послал двух из темных князей своих с таким повелением, чтобы один вошел к Иоанну, а другой оставался вне дома и наблюдал, что случится с вошедшим. Тогда бес, стоявший вне дома, увидел беду, побежал к Киноху и рассказал о случившемся. От рассказа бесовского Кинох до того разъярился, что собрал целое полчище бесов своих и отправился с ними в город. Все из жителей, почитавшие Киноха за человека великого, крайне обрадовались и спешили к нему во сретение с поклонением. Всяк со всею своею челядью пошел прямо к Иоанну и застал его, окруженного народом, которому проповедовал слово Божие. Это зрелище еще более возбудило гнев нечестивца и, грозный, он закричал народу: «Слепцы! заблужденные, совратившиеся с пути истины, выслушайте ме-

ня! Если этот человек так праведен и слова Его истинные, то пусть состязается со мною при вас и сотворит такое же чудо, как я! Тогда посмотрите и решите, который из нас больше!» Если же он окажется и в словах, и в делах выше меня, то я смирюсь и уверую в истину слов им проповедаемых. И так, чтобы начать при всех состязание такого важного спора, Кинох подозвал к себе из толпы одного юношу и спросил у него: «Жив ли твой отец?» «Отец мой уже давно умер!» Кинох спросил еще: «Какою смертию?» Юноша отвечал, что отец его ехал на корабле, который разбит бурею и он утонул. После такого допроса Кинох обратился к Иоанну и сказал: «Ну! теперь покажи нам твою силу и власть, чтобы мы могли по твоим делам уверовать и в слова твои. Представь сыну потонувшего отца его!» Апостол отвечал лукавому волхву: «Христос послал меня не для того, чтоб вызывать мертвецов из моря, но чтоб благовестить Его живое слово и громить людей, обольщающих ложью». Тут Кинох обратился к народу и сказал громко: «Поверьте же мне, что сей Иоанн обманщик! Он вас только обольщает и потому вы теперь его возьмите и не пускайте, пока я представлю этому юноше отца его живого». В ожидании чудес легковерный народ схватил Иоанна, а Кинох начал свое действие тем, что, распростерши руки, всплеснул ими и бросился в море. Сильно взволновалось море и чародей, к ужасу предстоящих, пропал из глаз их. Тогда все, в один голос, воскликнули: «Велик, велик Кинох!» Жадно взоры всего народа обращены были к морю, и вот из кипящих волн появился волшебник, держа за руку отца юноши, как он то сам предсказывал. Все поразились изумлением, а торжествующий Кинох спросил юношу: «Это ли твой отец?» «Точно

так, великий Господин», – отвечал юноша. После этого все стали поклоняться мощному чародею, а против смиренного апостола народ взбунтовался до того, что кинулся на него с остервенением с намерением его убить. Но Кинох воспротивился их намерению, говоря: «Когда увидите от меня еще большие чудеса, тогда предам вам его на мучение!» Продолжая свои чары пред обольщенным народом, он опять подозвал к себе одного из зрителей и спросил: «Был ли у тебя сын?» «Да, великий Господин, был у меня сын, но его некто, по зависти, убил». Тут Кинох громогласно вскрикнул называя каждого по его имени, убийцу и убитого. И тот и другой предстали на зов волхвователя. Чародей спросил у отца: «Это ли они, твой сын и его убийца?» «Так точно!» – отвечал обрадованный отец. Самодовольный волхв, обратясь тогда к апостолу, сказал: «Ну! каково, Иоанн? Теперь-то ты мне уже дивишься?» «Нисколько!» – отвечал просто ученик Христов. Гордо возразил на эти слова Кинох: «Еще большие увидишь чудеса, и ты не умрешь, доколе я не устрашу тебя моими знамениями!» Иоанн отвечал спокойно: «Скоро знамения твои разрушатся!» Разъярился народ, услышав это пророчество, бросился на апостола, немилосердно начали бить невинного, и, только сочтя его уже мертвым, оставил бездыханного. Торжествующий Кинох, обратясь к народу, сказал: «Оставьте его здесь непогребенным, пусть птицы небесныя расклюют плоть его!» Народ преисполнился радости вместе с Кинохом, и все разошлись, оставив страдальца лежащего на места замертво.

После некоторого времени Кинох узнает, что Иоанн жив и по-прежнему ходит поучать народ в одно место, называемое *падение камней*. Тогда, взяв

с собою в товарищи беса, помогающего ему в его волхвованиях, пришел, рассерженный, к Иоанну и сказал ему: «я хочу еще более пристыдить тебя, и только затем оставил тебя еще в живых; теперь же ступай за мною к морскому берегу. Там, увидев чудеса мои и славу, постыдишься и восчувствуешь. Народ опять помчался за своим чудотворцем. В числе сопровождавших Волхва были и три мнимо воскрешенные им мертвеца. Волхв сплеснул сильно руками, ударил ими по волнам и, погрузясь в море, стал невидим. Изумленный народ опять восклицал: «Велик, велик ты, славный Кинох, и никого нет выше тебя!» Тогда Иоанн, стоявший на бреге, заклял бесов, сотрудников волхва, находившихся между народа в человеческом образе, и повелел, чтоб они не смели сойти с своего места. Так и сделалось. После того святой крепко воззвал к Господу о разрушении обаяний лжечудотворца. Молитва его услышана, и вот что сделалось! Море взволновалось, волны бушевали, кипели, но Кинох не являлся из моря и опять закипало море, подымались волны, а нечестивец все оставался под ними и, наконец, как древний, ожесточенный фараон, погиб он во глубине пучины. Тогда бесам, приявшим образ человеческий и принимаемым народом за мертвецов воскресших, Иоанн сказал громогласно: «Во имя Иисуса Распятого и воскресшего после трех дней, изыдите окаянные из сего острова». Слова Его были неотразимы: бесы исчезли. Но очарование волшебника на народ еще продолжалось. Три дня и три ночи множество людей оставалось на голом песке у брега морского. Всякий дожидался возвращения Киноха. Истомленные голодом, жаждой и зноем легковерные лежали у моря. В этом положении трое бедных детей истомились и

умерли. Апостол сжалился над заблужденными и помиловал их. Он помолился за них Господу, исцелил недуги их, воскресил их младенцев и много беседовал с ними о *истинном* пути ко спасению души. Благодать Господа подействовала словом апостола, и толпы приступили к нему с молением, чтоб он окрестил их. По совершении обряда радость проникла в сердца возрожденных и все разошлись по домам с миром, хваля и прославляя великое имя Иисуса. Сам же апостол опять возвратился в дом Мирона, где пребывал и часто учил приходящий к Нему народ.

Великое учение о Иисусе, поддерживал апостол Его благотворными чудотворениями. Шедши однажды по дороге, увидел он человека, одержимого сильным жаром. Довольно было одного крестного знамения, чтоб исцелить болящего.

Один еврей, по имени Филон, состязавшийся несколько раз с апостолом о Св<ятом> Писании, увидев это исцеление, зазвал его в дом свой. – Жена еврея, одержимая проказою, припала с молитвою к ногам апостола и просила исцеления. И здесь та же сила имела то же действие. Страждущая жена очистилась и тотчас уверовала во Христа; тогда уже и еврей, муж ее, обратился от своего упрямого заблуждения и принял крещение со всем домом своим.

Везде и всегда, где только можно было, Иоанн проповедовал слово Божие. Однажды на торгу народ толпился около него и слушал спасительные поучения. В толпе слушающих случилось быть и жрецам идольским. Вот один из них, с лукавым сердцем, желая искусить святого, сказал ему: «Наставник! у меня есть сын: он хром обеими ногами, прошу тебя, исцели его. И если он выздоровеет, я уверую в твоего

Бога-целителя!» Апостол, зная сей умысел, сказал: «Зачем искушаешь Бога? Он явно обнаружит лукавство твоего сердца». После этих слов Иоанн послал к его сыну одного из своих с таким приказанием: «Во имя Иисуса Христа, Бога моего, встань и приди ко мне!» – Больной встал и пришел здоровым к Апостолу. Но отец за свое желание искусить Бога тут же был наказан: недуг сына перешел к нему. Он охромел обеими ногами и, от жестокой боли упав на землю, вопиял к святому: «Помилуй, старец Божий! Исцели и меня именем Христа, твоего Бога! Я верую, что Он один есть истинный Бог и целитель!» И этого жреца помиловал Иоанн. Исцелив недуг его, он научил их вере в Христа, которую вскоре запечатлел Св<ятым> крещением.

В другой раз, проходя одним местом, Иоанн нашел человека одержимого в продолжении 17 лет водяною болезнию. Он исцелил его словом уст своих и просветил словом истины. В тот же самый день игемон Анфипат, заступивший место Лаврентия, прежнего начальника, прислал за Иоанном, умоляя апостола придти к нему в дом, где жена его мучилась родами. Апостол, ко всем милосердный, пришел тотчас – и едва ступил на порог дома, как страдалица разрешилась и болезнь ее миновала. Это чудо заставило Анфипата уверовать во Христа и креститься со всем своим домом. – Таким образом, ученик Христов прожил тут еще три года и потом пошел в другой город, отстоящий оттоле на 50 стадий. Жители того города были еще помрачены тьмою идолопоклонства. И вот до чего доходило их безумное невежество!.. При входе в город Иоанн увидел, что народ празднует какое-то великое торжество. Он увидел также и нескольких юношей, крепко связанных и,

как казалось, приуготовленных на заклание идолам. «Для чего связаны эти люди?» – спросил апостол у одного из предстоящих. Ему отвечали: «В городе нашем есть великий *бог-волк*, которому мы поклоняемся, а как нынешний день совершается торжество в честь его, то эти юноши назначены для принесения их ему в жертву». Иоанн просил человека, давшего это объяснение, показать ему их бога-волка. На что тот ответствовал: «Если ты подлинно хочешь увидать нашего бога, то подожди здесь до четвертого часа дня. В этот час сберутся сюда жрицы и первосвященники и пойдут вместе с народом к тому месту, где бог-волк появляется. Следуй за ними и увидишь там нашего бога-волка!» Иоанн поблагодарил, сказал: «Вижу, что ты человек добрый, а я в вашем городе чужестранец и так прошу тебя, поведи меня сам на то место, где является бог ваш: я очень желаю его увидеть, и если ты мне его покажешь, то я подарю тебе драгоценный камень. Незнакомец привел Иоанна к одному болотистому и весьма низкому месту, понятому водою, и сказал ему: «Вот отсюда наш великий бог-волк является человекам!» У этого болота Иоанн вместе с народом дожидался явления бога. В назначенное время вышел из воды бес в образе огромнейшего волка. Апостол, именем и силою Христа, тотчас связал мнимого бога и спросил его: «Сколько лет живешь ты в этом месте?» Диавол отвечал: 70!.. На это апостол сказал ему, как и прежним духам: «Повелеваю тебе Именем Отца и Сына и Св<ятого> Духа: изыди из сего острова и никогда более сюда не являйся!» Едва слова сии были произнесены, как диавол исчез. Провожатый апостола, видя такую сверхъестественную силу приведенного им человека, ужаснулся и пал к его ногам. Святой, под-

няв его, сказал с кротостию: «Вот видишь теперь, каков драгоценный камень, обещанный мною тебе в подарок!» Тут он начал объяснять ему в коротких словах учение и силу Христа. Пока это происходило и они разговаривали, подошли, вместе со всем народом, жрецы с связанными отроками к месту поклонения. Жрецы, с ножами в руках, стали дожидаться появления *бога-волка*, чтоб зарезать приведенных несчастливцев и отдать ему на съедение. Но долго, долго и напрасно было их ожидание. Никто не являлся из болота. Тогда Иоанн, выступя на средину, сперва начал упрашивать народ, чтоб он отпустил этих невинных узников, тем более, что нет уже и бога, который бы мог их пожрать. Потом стал объяснять, что их мнимый бог был не что иное, как *бес в образе волка,* и что сила и имя Христа Спасителя победила и прогнала его. Услышав о погибели своего бога, народ и жрецы испугались. Начали везде искать предмет своего обожания, но по прошествии некоторого времени, не отыскав волка, успокоились, развязали юношей и отпустили их по домам. Тогда апостол, огнедышащим словом своим, начал обличать заблуждение народа и проповедовать учение Христово. Многие тут же, уверовав, и крестились.

В том же городе находилась баня, в которой в пребывание апостола был удавлен диаволом сын Диева* жреца, пришедший для омовения. Когда дошло до отца это горестное известие, он, с воплем и обливаясь слезами, бросился к святому и умолял его воскресить умершего, обещаясь обратиться к Христу и веровать в Его спасительное Имя. Апостол пришел в дом печали и тотчас, именем Иисуса, воскресил

* В «Житии… Иоанна Богослова» Д. Ростовского — Зевсова.

мертвеца и расспрашивал юношу о причине его смерти. Воскресший рассказал, что он пришел помыться в баню, как вдруг вошел какой-то черный человек, схватил его и удавил. Из такого рассказа святой уразумел, что в бане должен жить бес, которого, закляв именем Иисуса, спросил: «Кто ты и зачем поселился здесь?» Бес рассказал, что он тот самый, который им изгнан из Ефеса, и поселился тут за шесть перед тем лет. И отсюда опять Иоанн изгнал его, а жрец Диев, видя такое изгнание, уверовал в Христа и окрестился с сыном и всеми своими домашними.

Однажды апостол вышел на порог, где окружило его несколько народа, чтоб слышать слово Божие. Там одна женщина из толпы бросилась к ногам Иоанна и умоляла святого помочь ее беснующемуся сыну, на излечение которого истратила она, без пользы, большую часть своего имения. Тотчас он приказал привести к себе больного, и едва посланные выговорили беснующемуся: «Иоанн зовет тебя!», как бес покинул его и юноша пришел уже здоровым. Мать и сын обратились к истине и приняли от апостола Св<ятое> крещение. –

В том же городе находился храм в честь идола, называемого Дионисием, или Бахуса, которого идолопоклонники именовали тоже отцем свободы. Когда наступило шумное празднество этого Бога, множество мужчин и женщин собралось во храме. Они приносили с собою разные яства и напитки и, упившись, начинали ликовать и бесчинствовать в честь своего разгульного бога. Иоанн нарочно пришел туда же, чтобы обличать заблужденных в столь гнусном и отвратительном праздновании. Услышав обличительные речи, жрецы храма, которых было

очень много, рассердились и, схватив Иоанна, сперва начали бить, потом связали и выбросили его за ограду, сами же возвратились опять во внутренность храма для продолжения своих бесчинных действий. Тогда апостол помолился Богу, чтоб Он не допустил торжествовать беззаконию, и вдруг капище зашаталось, рухнуло и задавило язычников с их гнусным богом и жрецами. Народ, стоявший вокруг храма и видевший такое чудо, в трепете бросился к Иоанну, снял с него узы и начал умолять о помиловании. Во время сих происшествий в городе находился один волхв, по имение Нукиан. Узнав, что *словом апостола* храм сокрушился и жрецы вместе с идолом погибли, он огорчился и, пришед к Иоанну, так ему говорил: «Дурно сделал ты, что сокрушил храм нашего Дионисия и сгубил жрецов его. Этим оскорбил ты весь народ, и все весьма на тебя негодуют. Вот и я пришел просить тебя, чтоб ты воскресил жрецов храма, как воскресил сына жреца Диева. Когда увижу от тебя это чудо, и я уверую в твоего Бога!» Святой отвечал ему так: «Вина их гибели – собственные их беззакония! Осрамленные нечестием, они недостойны жить на земле! Пусть мучатся за дела свои в геенне!» Нукиан, рассердившись, отвечал: «Если ты сам не можешь их воскресить, то я, именем богов моих, воскрешу жрецов и воздвигну храм их снова; но ты уже не избегнешь смерти!» После этих слов они разошлись всякой в свою сторону: Иоанн, по своему обыкновению, наставлять народ, а волхв на место сокрушенного храма. Здесь начал он ходить кругом храма, производя свои игры и заклинания. Силою нечистых действия вызвал он двенадцать бесов, которые предстали в виде убиенных жрецов. Он повелел им идти убить Иоанна. Но бесы отвечали:

«Не только невозможно нам убить его, но мы не дерзаем даже и явиться в то место, где он находится. Если же ты желаешь, чтобы он умер, то поди и приведи сюда народ, который, увидев нас, так на него разъярится, что, конечно, убьет его!» Нукиан послушался бесов и пошел туда, где Иоанн, окруженный множеством слушателей, проповедовал *Слово Божие.* Увидев это, волхв громким голосом возопил к народу: «О, безумцы, обольщенные словами чужеземца, разорившего ваше капище! Он сгубил ваших жрецов и вас самих сгубит, если вы послушаете слов его. Пойдемте за мною, оставьте безумного: я вам покажу ваших жрецов, мною воскрешенных. Вы увидите, как я, при ваших глазах, восстановлю ваше разоренное капище, чего Иоанн вам не в силах сделать!..» Народ, как бы отуманенный словами чародея, оставил учителя истины и последовал за обаятелем. Но святой, зная его умысел, обошел с Прохором другою дорогою и явился прежде их на место, где стояли бесы в образах воскрешенных. Бесы, только что завидели Иоанна, вдруг исчезли. Важно приближался волхв, шумно теснился за ним народ. Но, увидев, что бесов уже не стало на показанном месте, ужасно рассердился волхв и начал производить свои чары, ходя кругом капища и заклиная невидимых, чтоб они показались и воздействовали. Никто не являлся на призыв его, и все действия оставались безуспешными! После напрасного ожидания, продолжавшегося до самого вечера, народ потерял терпение и хотел было убить Нукиана. Уже начали шуметь и волноваться. Тут некоторые предложили отвести волхва к Иоанну, чтоб он решил его участь. Иоанн, рассмотрев раздор между народом, возвратился опять тою же стороннею дорогою, кото-

рою пришел. К нему привели волхва и говорили: «Посмотри, это обманщик и враг твой: он замыслил погубить тебя! Скажи, что прикажешь с ним делать?» Ученик Христов отвечал им: «Пустите его, пусть он покается».

На другой день, когда, по обыкновению своему, Иоанн проповедовал слово жизни и благодать проникнула души слушателей до того, что они просили Св<ятого> крещения, апостол повел их к реке. Здесь опять явился чародей со своими волхвованиями и, чтоб помешать священному действию купели, претворил воду в кровь. Но действие не остановилось, молитва святого произвела *двойное* чудо: Нукиан ослеп, а вода в реке снова сделалась чистою под рукою апостола и послужила к окрещению множества новообращенных. Побежденный таким чудодейственным знамением, волхв пришел в себя, обратился к истине, из глубины сердца принес покаяние, умоляя Иоанна умилосердиться над ним! – Увидев теперь его истинное покаяние, апостол начал поучать его св<ятой> вере во Христа и, по прошествии довольного времени, окрестил, причем слепец тотчас прозрел телесными и душевными очами. Тогда обращенный просил апостола удостоить его своим посещением и, едва взошел он в дом Нукиана, все бывшие у него идолы рассыпались и сокрушились. Это чудо так испугало домашних хозяина дома, что они уверовали и окрестились.

В том же городе жила одна богатая вдова, прекрасная собою, по имени Проклиания. У нее был сын Сосипатр, красоты необыкновенной. Бесовское наваждение посетило ее, и в сердце ее зажглась непозволительная и пагубная страсть к сыну до того, что она сама старалась развратить его. Но благород-

ный юноша, с чистотою души, заметив эту несчастную страсть развратной матери, возненавидел ее до того, что убежал из дома. Он пришел к тому месту, где Иоанн, по своему обыкновению, проповедовал народу Слово жизни и учил познавать своего Божественного учителя Иисуса. Растерзанный душою юноша, всладость слушал слова Апостола и утешался ими. Иоанн, с первого взгляда, познал его положение и все что с ним было. По окончании проповеди апостол взял пришельца к себе, и, наедине, наказывал и толковал ему, чтоб он почитал мать свою и повиновался ей во всем, кроме беззакония, и чтоб не только не обличал ее греха, но, напротив, старался закрыть его перед человеками. Однако этот несчастный сын развратной матери ни за что не захотел к ней возвратиться. Только на четвертый день она его отыскала и, схватив за одежду, тащила насильно домой. На крик ее сбежались люди и сам Анфипат, начальник города, который, прибывший недавно к своей должности, не знал ничего о сем происшествии и начал расспрашивать о причине такого крика и насилия. Разумеется, что нечестивая мать пред начальником города утаила свое беззаконие и, напротив, оклеветала невинного сына. С воплем и слезами, терзая на себе волосы, старалась своротить собственные поступки и намерения на невинного сына. Анфипат как человек поверил этой клевете и произнес приговор, чтоб его посадить в кожаной мешок с лютыми змеями и разными гадами и бросить в море. Иоанн, узнав плачевную участь несчастного, поспешил к Анфипату и стал обличать его в неправедном суде на невинного, которого он осудил, так легкомысленно поверив клевете и не выслушав прежде оправданий обвиняемого. Ожесточенная

грехом Проклиана клеветала тут же и на апостола, говоря, что он обманщик и он-то и научил ее сына на такое беззаконие. Анфипат, услышав эти ужасные обвинения, поверил им и присудил казнить Иоанна вместе с юношею. Святой обратился к своему вечному заступнику, не покидавшему его ни в каком случае. Он начал молиться – и вдруг земля восколебалась, и рука Анфилата, которою он замахнулся на апостола, иссохла, у беззаконной же матери, в то же время, иссохли обе руки и глаза совсем выворотились из мест своих. Судья и все бывшие тут, увидя это необыкновенное действие, вострепетали и от страха повеглись на землю. Тогда судья стал просить у Иоанна помилования. Апостол начал вразумлять его о том, как должно судить по правде и что такое есть судья праведный, научая при том веровать в Христа, именем которого с Отцем и Св<ятым> Духом исцелил его и удостоил св<ятого> крещения. Таким образом, чудодейственною силою Иоанна невинный освобожден от гибели, а неправедный судья обратился к правде и познанию истинного Бога. Проклиана, запечатленная казнию Божию, убежала от страха с глаз народа. Апостол взял юношу с собою с намерением отвести его к грешной его матери, но юноша не захотел к ней возвратиться. Тогда Иоанн стал учить его, как следует в духе Христа не помнить зла и забывать обиды; а притом уверил его, что он не услышит уже более от матери своей ничего беззаконного, ибо она обратилась. Слова сии сбылись. Едва апостол показался к ней с сыном, она, проливая горькие слезы раскаяния, припала к ногам апостола и стала исповедоваться в грехах своих. Исцелив ее телесный недуг, он обратил исцеленную к вере и окрестил ее со всем домом ее. Уцеломудренная Проклиана про-

вела остаток дней в чувствах глубокого раскаяния о заблуждениях прежней жизни своей.

Во время всех этих подвигов апостола был убит император Домициан. Вступивший после него на царство Нерва освободил всех, находившихся в заточении. В этом числе объявлена свобода и апостолу Христову Иоанну, который вознамерился возвратиться паки во Ефес. Патмос не имел более в нем нужды. Весь остров обращен был ко Христу. Новые христиане, узнав о намерении своего наставника, умоляли его не покидать их. Но апостол желал возвратиться в Ефес. Тогда упросили они учителя своего оставить им памятник великого своего учения. Апостол уступил пламенному желанию новой паствы своей и предпринял предать на вечные времена Слово жизни, облеченное буквою. И вот как произошло, пережившее века, Св<ятое> Евангелие от Иоанна. –

Наложив пост на всех жителей Патмока, Иоанн, с учеником своим Прохором, взошел на высочайшую гору, где в течение трех дней оставался в беспрерывной молитве. Три раза солнце обновило течение свое и, наконец, настала минута торжественная. Небо покрылось густыми тучами, засверкали молнии над лесистыми вершинами Патмоса, вся гора восколебалась на основаниях своих. Одна из каменных скал, отломясь от ребра горы, с страшным грохотом покатилась вниз. Из расщелин излома брызнул источник свежей, кипучей воды как предвестник живого, могучего слова. Орел, испуганный грозою, вознесся и парил над Иоанном. Осиянный молниями, под раскатами гремящей бури, *сын грома*, сим именем Спаситель называл Иоанна, святой апостол Христов, насыщенный беседою с небом, обратился к трепе-

щущему ученику: «Пиши!» – воскликнул Иоанн. – «Пиши: – В начале было Слово!» – Так написано Евангелие, наиболее возвышенное по духу и выражению неудобовыразимого. Оставя город, Иоанн приказал Прохору переписать строки своего благовестия для общего употребления. Переписанное Евангелие оставлено на память жителям Патмоса, а подлинник оного взял Иоанн с собою. На Патмосе написал Иоанн своею рукою и тот Апокалипсис, который, в такой яркой картине, показывает судьбы грядущих веков и мира. Постясь по временам, он имел неизреченные Божие откровения, которые и передавал *верным* в высоко-символическом облачении. —

До отбытия из Патмоса Иоанн обошел все окрестные селения и города и везде утверждал братий в новосажденном учении веры Христовой.

В одно из таковых путешествий случилось ему однажды зайти в селение, где проживал жрец Диев* Евхарис, у которого был сын слепой, давно уже желавший увидеть апостола. Едва узнал жрец о его прибытии, как пришел к нему просить посетить их дом и помочь его слепому сыну. Иоанн провидел, что, кроме исцеления, он обретет человеческую душу, поспешил в дом жреца, где, увидев слепого, сказал ему: «Во имя Иисуса Христа прозри!» и юноша увидел свет Божий! Это чудное исцеление сына поразило отца: он уверовал во Христа и тут же, рукою апостола, окрещен вместе с сыном. Во всех городах Патмоса Иоанн устроил церкви Божии наилучшим образом, поставя в них священников и епископов, которых весьма прилежно долго обучал

* В «Житии… Иоанна Богослова» Д. Ростовского — жрец Зевса.

Св<ященному> Писанию. Устроив все в своей пастве, он, как нежный родитель, обнял чад своих, простился с ними и отправился в Ефес. С горькими слезами и рыданиями провожали его верные; тяжело было им утратить то благодатное солнце, которое лучами своими озаряло и грело страну их, погруженную в холод грубого невежества и мрак заблуждения. Садясь на корабль, апостол дал еще последнее благословение стаду своему, пожелал людям мира и отправился, сопровождаемый любовию рыдающих обитателей Патмоса. По прибытию в Ефес, с неизреченною радостию был он встречен верными, которые от избытка чувств восклицали: «Благословен пришедший к нам во Имя Господа!..» Везде и повсюду, куда он ни являлся, принимали Его радушно, с детскою любовию, а он не преставал, во всяком месте, во всякое время, разработывать ниву Божию и наставлять людей на путь их спасения.

Между множеством подвигов апостола нельзя умолчать еще об одной черте, упоминаемой Климентом Александрийским. Иоанн, путешествуя по Азии, увидел в одном городе юношу с прекрасною душою – способною ко всякому добру. Тотчас пригласил он его к себе, научил христианской вере и окрестил св<ятым> крещением. Между тем слуге Христову нужно было отправиться далее для проповедания Евангелия, почему перед всеми жителями Ефеса поручил он духовного питомца своего епископу города, прося продолжать с ним развитие семян добра и веры. Иоанн уехал, епископ взял к себе юношу, обучал его Св<ященному> Писанию, но не довольно радел о нравственности его и слабо наблюдал за теми поступками, за которые надлежало бы взыскать строго в таких молодых летах. Мало по малу, он дал ему

полную свободу и юноша, неопытный и пылкий, предался необузданному влечению страстей. Вскоре разврат до того усилился, что несчастный предался пьянству, а потом стал красть. Впоследствии, сдружась с шайкой разбойников, избранный юноша ушел в их лесные ущелины и горы и там, сделавшись атаманом своих товарищей, начал грабить путешественников и разбойничать по большим дорогам. Чрез несколько времени Иоанн, возвращаясь из путешествия, наведался о своем избраннике и услышал, что сын его по духу развратился и сделался разбойником. Тогда пошел он к епископу и начал ему так говорить: «Возврати мне вверенное тебе сокровище! Я полагал, что ты верен и сохранил мне драгоценность мою, возврати мне юношу, врученного тебе пред собранием народа с тем, чтоб ты сохранил его душу и научал неопытного страху Божию». Епископ со слезами отвечал ему: «Тот, которого поручил ты мне, затерялся из рук моих и погиб! Душа его мертва, а тело, бродя по лесам, разбойничает на большой дороге...» Иоанн сказал на это: «Так ли тебе должно было блюсти душу брата твоего? Дай мне скорее лошадь и проводника: я пойду отыскивать потерянного тобою!» Апостол прямо пришел к разбойникам и просил первого встречного, чтоб проводил его к атаману. Юноша, увидев старца, пришел в великое замешательство и, не в состоянии будучи вынести присутствие своего наставника, убежал в пустыню. Позабыв старость свою, Иоанн пустился бежать за убегающим и кричал во след ему: «Сын мой! Сын мой! возвратись к отцу своему! Не оставайся в грехах своих! Я приму на себя грехи твои! Умоляю тебя, сын мой, остановись, подожди, Господь послал меня!» Юноше не мог долее противиться зна-

комому голосу и воротился к старцу. С стыдом и трепетом припал он к ногам святого, не смея взглянуть на почтенное лице его. Иоанн принял беглеца в свои объятия и с любовию отеческою лобызал его, прижимая к груди своей. Юноша не мог более противиться, и старец с неописанною радостию, что снова приобрел овцу погибшую, повел этого пленника любви пред собрание христиан в городе. Много и долго после того научал Иоанн заблудшего, как прибегать к покаянию. Юноша трудился долго на пути добра и покаяния и, примиряясь с Богом, получил прощение во грехах; – и вскоре, сподобясь мирной и праведной кончины, переселился в вечность.

В пребывание апостола в том же городе случилось еще одно происшествие. Жил там очень бедно один христианин, который различными бедствиями дошел до такой крайности, что не имел чем расплатиться с заимодавцами и должен был подвергнуться неумолимой строгости закона. – Жестоко огорченный своим положением замыслил лишить себя жизни. И вот, с этою мыслию, пошел христианин к одному волхву, еврею, у которого просил смертельного яду. Еврей, заклятый враг христиан, и, вместе с тем, знавшийся с нечистою силою, охотно исполнил желание бедняка и снабдил его смертоносным зелием. Взяв от него эту отраву, христианин пошел домой в размышлении и страхе, не зная, на что решиться и как поступить в таком случае. Наконец, после долгого борения, он решился: сотворить крестное знамение над чашею и выпить все до дна. Прошло время, но христианин не почувствовал ни малейшей в себе перемены. Странно ему казалось, отчего он никакого страдания не чувствует и остается здоровым, как был. Спустя несколько времени опять заимодавцы

стали приставать к нему, мучить его так, что от огорчения и грусти припала опять ему охота лишить себя жизни. Он опять пошел к тому же еврею и просил еще сильнейшего яда. Волхв приведен в немалое удивление при виде отравленного и еще живого. Чтоб исполнить его вторичное желание, он дал ему яда еще сильнейшего. Пришед домой, христианин еще в большем раздумье не знал опять, как поступить. Однако надумался и, перед тем, как стал пить, сделав опять крестное знамение над отравою, выпил все сразу. Точно так же, как прежде, с ним ничего худого не последовало. И в третий раз пошел он к еврею, осыпая уже его упреками за то, что он или не довольно искусен в составлении смертоносных зелий, или желал только над ним насмеяться. Непонятно стало еврею такое событие, и затрепетал он от страха, спросив у пришедшего: «Да чего ты делал в то время, когда принимался пить?» – «Ничего!» – отвечал спокойно христианин, – только крестным знамением осенял я чашу и пил!..» Услышав о крестном знамении, волхв познал, что это была сила Христова и Его св<ятого> креста, уничтожающая все вредоносное и прогоняющая смерть. После того, желая еще более удостовериться в истине такого события, он дал собаке выпить того же самого яда. Пес, лишь только отведал, тут же издох!.. Увидев такое чудо, еврей поспешил с христианином к апостолу и рассказ все, что случилось и что ему так непонятно было. Святой объяснил волхву силу Христову, с которой нет невозможного, и потом окрестил его. Бедствующему же христианину, довольно искушенному несчастием, помог существеннее. Он приказал принесть к себе охапку сена, сотворил над нею молитву и крестное знамение и претворил ее в золото! Одною

частию этого дара велел он удивленному несчастливцу расквитаться с должниками, а другою жить и содержать свое семейство. Сотворив сей подвиг, апостол возвратился в Ефес, где и пребывал в доме Домна, и обратил великое множество народа, творя непрестанно, именем и силою Христовою, чудеса неисчислимые.

Долго еще пожил Иоанн. Но когда исполнилось ему уже более ста лет, вышел он однажды из жилища Домна, взяв с собою семерых из своих учеников. Дошед до известного места, велел он остановиться. Тут провели они ночь. На другой день поутру Иоанн отошел от них на малое расстояние и стал молиться. По совершении молитвы он приказал вырыть себе крестообразную могилу во весь его рост и завещал Прохору возвратиться в Иерусалим и оставаться там до своей кончины. Тогда, обняв учеников своих, святой муж лег в могилу и сказал им: «Возьмите мать мою землю и прикройте меня ею!» Когда они исполнили отчасти приказание, он еще раз обнял их и простился с ними. После того они засыпали старца по колени. Тут опять целовал он каждого и долго прощался со всеми. Наконец они накрыли его землею до шеи и положили покров на лице его. Тогда уже, в последний раз, обливая его слезами и целованиями, простились они с отходящим и покрыли всего любимого ими старца землею. Совершив этот печальный обряд, возвратились они в город. Прочие же ученики Иоанна, услышав о случившемся, пошли на другой день на указанное место, раскрыли могилу и ничего в ней не нашли... Обливаясь слезами, они молились, возвращаясь в город... Тела Иоаннова не было, но с тех пор в самый тот день – в день восьмого мая, когда зарыли святого в землю, земля вы-

сылала из могилы его *тонкий пар в виде росы,* оседавший на поверхности. Эта роса целила недуги молитвами апостола и в честь Богу, прославляемому в Троице.

Аминь.

Жизнь апостола и евангелиста Луки, первого списателя лика Пресвятой Девы Богородицы*

Св<ятой> евангелист Лука родился в Сирской Антиохии. Еще с юных лет научился он греческой премудрости и, сверх того, искусству *врачевания*. Искусный врач сей был также весьма порядочный иконописец и знал хорошо языки: египетский и греческий, а по прибытии в Иерусалим изучал язык и учение евреев. В это самое время Иисус Христос, обитавший во плоти с человеками, сеял семя спасительного Слова, которое пало на добрую землю – и в сердце Луки, и, прозябши, принесло плод сторичный. Лука услышал из уст самого Бога учение премудрости и больше почерпнул из него разума, нежели во всех школах египетских и греческих. Он научился познавать Единого истинного Бога, в Него веровать и просвещать других в таинствах св<ятой> веры. Лука был в числе тех семидесяти апостолов, о коих он сам в своем благовестии упоминает, говоря: «избрал Господь и других семьдесят и послал их по два пред лицем своим во всякой город и место». Таким образом, ходя духом пред лицом Господним, уготовляя путь ему св<ятым> своим благовествованием, он открывал людям, что пришел уже в мир так давно ожидаемый Мессия. Много скорбел и обливался горькими слезами о своем Господе и Божествен-

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 979. Л. 30 об. – 34. Представляет собой упрощенное изложение «Жития святого апостола и евангелиста Луки» Д. Ростовского.

ном учителе во время спасительной Его для нас смерти, и как сказано: «когда поражен был пастырь, овцы разбежались». С ним самим сбылись эти слова, но, посеяв слезами, он пожал радостию. Св<ятой> Лука был один из первых удостоившихся встретить Спасителя по Его воскресении. Еще никто из учеников не знал о сем радостном событии, и Лука с Клеопой, оба грустные, шли в *Еммаус* и горестно беседовали о страдании своего Господа и любимого наставника. День клонился к вечеру. К ним присоединился незнакомый странник. Не подозревая ни в чем своего нового сопутника, оба ученика Христова продолжали задушевную свою беседу. «Что же это за происшествие, о котором вы рассуждаете и отчего вы оба так печальны?» – спросил учеников соединившийся с ними странник. – Лука не догадался, что таинственный спутник их был сам тот, который некогда сказал о себе: «я есть путь, истина и живот». Но беседа неизвестного уже действовала могущественно на души огорченных. Неизреченно было сладостно для Луки во время этого разговора поучение, почерпнутое из глубины самой непостижимой премудрости! Что чувствовал тогда св<ятой> Лука, когда путник таинственный своими сладчайшими устами стал объяснять ему Св<ященное> Писание, начав с Моисея и преходя весь ряд пророчеств, провозвещавших Спасителя. И вот откуда, вот из какого источника ученик Христов почерпнул *разумение* о тайнах Божиих и после того научил веровать всю Фивию Беотийскую и просветил светом Евангельским такое множество людей, погруженных во тьму неведения о Боге. После встречи с Воскресшим на дороге удостоился он же на вечере в Еммаусе возлежать вместе с Христом, чтобы некогда вкусить и нетленную с Ним трапезу в

царстве Отца Его. Тут только – по приходе в Еммаус и св<ященное> *преломлении хлеба* – узнал Лука в неизвестном путнике самого *Сына Божия*, того Христа, которого на *тайной вечере* отвергнул предатель. Когда узнал любимого учителя своего, скрытый пламень сердечной любви явно обнаружился в словах, произнесенных Лукою: «Не горело ли в нас сердце, когда Он говорил с нами на дороге и изъяснял нам Писания?» По своей сердечной привязанности и любви к Господу, чтоб сохранить память о Божественном учителе, он написал подробное Евангелие спустя 15 лет после Вознесения Христа на небо. Сперва запечатлев любовью в сердце своем все, им самим виденное и слышанное о Христе и от Христа, он передал нам и свое и от других самовидцев свидетельство, как он сам говорит в начале своего Евангелия: «Как то передали нам первоначальные самовидцы и служители Слова». По вознесении Господа св<ятой> Лука много участвовал в трудах и страданиях св<ятого> Павла когда они вместе благовествовали *слово* жизни. Он всюду за ним следовал, проповедуя с ним вместе не одним только евреям, но и язычникам. Он был с ним в Риме, как то видно из Апостольских деяний, также им написанных. Св<ятой> Павел очень любил его и в послании своем к Колоссянам говорит: «Вас обнимает *Лука,* врач наш возлюбленный» Также в другом послании, к Коринфянам, хвалит его. «Я послал с ним брата, известного по благовестию во всех церквах. – Посвященный по благодати достойно с нами ходить и служить ко славе Господа и усердию вашему». Св<ятой> Иероним объяснил, что упоминаемый в этом месте с такой похвалою брат был не иной кто, как Лука. Из Рима пошел он на Восток, где, проповедуя о Христе,

много потрудился и пострадал за Его святое имя. В таковых беспрестанных подвигах апостольских прошел он всю Ливию и, достигнув Египта, озарил светом Евангелия верхнюю Фиваиду. Тут, в Фивах Беотийских[*], устроил он церкви, поставил диаконов и священников, не переставая между тем врачевать больных душою и телом.

Неутомимо потрудясь для славы и во имя Иисуса, св<ятой> Лука почил в Господе, имея более *осьмидесяти* лет. Господь, для прославления своего ученика, произрастил на месте положения святого тела его некую траву каллурий [**], врачующую глазные болезни. Это знамение его врачебного искусства прославило гроб его. Приходящие и верные исцелялись надгробною травою и молитвами св<ятого> апостола. Констанций, сын великого Константина, услышав о чудотворной силе мощей его, послал туда Артемия Египтянина, который после замучен был за Христа Юлианом Отступником. Он перенес с великою почестию мощи апостола Луки в царствующий град. При внесении мощей в город сотворилось чудное исцеление. Один из царедворцев, по имени Анатолий, уже очень давно томился на болезненном одре, пролечив без пользы большую часть своего имения. Услышав же, что внесли в город *нетленное тело* апостола, он помолился Ему усердно. Потом встал с постели и велел вести себя к раке святого. Едва дошел он до того места, где проносили мощи, и, поклонившись с верою, им прикоснулся, как вдруг болезнь его прошла и больной совершенно исцелился. Силы его до того возобновились, что он с прочими

---

* В рукописи: Биотийских.

** В рукописи: коллирию.

понес на плечах своих раку с мощами в храм св<тых> апостолов, где в трапезе, вместе с святыми Андреем и Тимофеем, положены были нетленные останки ученика Христова.

О нем рассказывают, что он первый написал кистию образ Пресвятой Богородицы, держащей на руках Предвечного Младенца Господа нашего Иисуса Христа и еще две иконы Божией Матери. По написании принес их к Пресвятой Деве и спросил: угодны ли они ей? Посмотрев на это изображение, Пресвятая своими чистыми устами сказала: «Да будет благодать рожденного от меня и моя с этими иконами!» Равно говорят, что св<ятой> Лука написал, на досках, изображения св<ятых> верховных апостолов Петра и Павла. От него-то по всей вселенной распространилось истинное и прекрасное художество – писание кистию лика Божьей Матери и других святых, во славу Божию для благолепия храмов и спасения верных, благочестно почитающих святые иконы.

Молитвы

Молитва Божией Матери*

О пресвятая Владычица непорочная Дева, Царица небесная, Матерь истинная Спасителя моего! К тебе, милосердная, сердечное моление приношу. Не отврати праведного лица Твоего от меня! Не отними, Милосердная, руки Твоей, но допусти меня милости Всевышнего Творца моего; заступи. Не искорени почтения из сердца моего забыти ко угодникам Твоим. Не лиши меня любови к ближнему моему. Не введи мя человеческому предстательству; но Сама заступи и помилуй, пресвятая Богородица! И прошу и молю: подай мне сей день препроводить благополучно, избави мя от злого человека, и от всякого зла, и от брани, смерти, сохрани меня и все, что я по милости моего Создателя и Твоей имею, во всяком счастии и благополучии. Заступница, милосердная, Богоматерь, проси обо мне Господа Бога моего во отпущении грехов моих, кои соделала по слабости плоти моей, и не лишил бы меня Господь Бог мой при последнем конце жизни моего сердечного и искреннего покаяния. Да наградил бы меня неоценимым даром вкусить Божественного Спасителя моего, причастясь тела и крови. Да не отринул бы меня насладиться царствием Твоим небесным. О пресвятая Владычица моя, Спасительница, заступница, помилуй и огради меня своим покровом на всяки лета и отпусти мои согрешения, вольные и невольные, я же ведением и неведением, словом и делом, и помышлением, лжа-

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 958. Л. 5–7.

ми, клеветами, завистию, притворством, непокорством, братоненавидением, сребролюбием, яростию, скупостию, объядением без сытости и опивством и всеми мыслями. Заступница мне истинная, Спасителя моего мать, благодарю Тебя и молю Тебя за все твои милости ко мне… О великая предстательница Господа Бога моего, Тебе я препоручена от родителей моих, Ты мне Спасительница, в печалях и болезнях утешительница, что я была? когда бы Тебя не имела. Да, тобою утешена, ограждена. Заступница моя, благодарю Тя от истинного моего сердца за все Твои милости и прошу Тебя от всего сердца моего: умоли Господа Бога моего о моих согрешениях, также и о тех, кои стараются мне зло сделать и обрати их ко мне дружелюбие во веки аминь!

<Молитва чудотворной иконе Троеручицы[*]>

1661-го года 28-го июня явление чудотворной иконы Троеручицы. Сия святая икона Пресвятыя Богородицы находится в мужеской Белобережской пустыни Орловской епархии, принесенная в оную первым ея устроителем иеромонахом Симеоном.

Молитва

О пресвятая Госпоже Богородице, явившаяся велие чудо св<ятому> Иоанну Дамаскину, имевшему надежду несомненну и веру истинну, услыши нас, грешных, молящихся пред чудотворною иконою Твоею, просящих руку Твоея всесильныя помощи во всех делах наших. Не отрини моления моего ради многих прегрешений, но яко Мати милосердия и щедросте,

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 33–33 об.

избави нас болезни, скорби, печали, наши грехи и исполни радости и веселия всех чтущих святую икону Твою, да радостию воспоем и любовию имя Твое прославим, яко Ты еси от всех рабов избранная, Благословенная и препрославленная ныне во веки веков. – Аминь.

Молитва[*] образу Пресв<ятой> Богородицы нечаянной радости

Вижд наши нетерпимыя болезни, печали, клеветы, не случайно на ны находящие, усердно молим Тя, Пресвятая Госпоже Богородице, услыши нас, грешных, покажи на нас скорую и великую милость Твою, сотвори благопросительную помощь, обрадуй, Матерь Божия, преложи Своими молитвами печаль нашу на радость, да никто же уповаяй на Тя посрамлен от Тебя исходит, но везде приимет просьбе всякое дарование ныне и во веки веков. Аминь.

---

[*] Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020 Л. 34.

Подневные рассуждения*

2 августа

Собственная правда

Я сам себя осуждаю
и каюсь на грудь пепла
(Иов. XLII:6)

Собственная правда есть у всякого своя; она даже вкралась в честную и правдивую душу Иова. Этот святой Ветхого Завета имел безукоризненную душу в глазах мира: но Бог, испытующий все изгибы сердца, открывает в самых благочестивых людях *тайные нечистоты* и *бесчисленные слабости*. Иов есть золото, переходящее из одного горнила в другое, и который, познавая себя все ближе, узнает наконец, что все, что в нем служит к его обвинению, и чтоб быть спасену, *ему остается одно милосердие* и Благодать *Божия*. Его история есть *обнажение человека*, всего себя внутренно, и доказывает нам явные и несомненные выгоды, приносимые нам посещениями Бога. Господь может всем пользоваться, даже самим Сатаной, чтобы нам открыть *нашу полную наготу* и представить нас самих, в наших глазах, *как последнего грешника*. Трогательно видеть Иова, после целой жизни, наполненной добрыми делами, после терпения выше человеческого, обвиняющего себя на грудь пепла и приносящего раскаяние в том, что дерзнул оправдывать себя перед Богом. Редко увидишь человека, обвиняющего себя и который бы с

* Отрывки печатаются по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1008 Л. 1 об. – 9 об. (август). Л. 11–24 об. (январь).

ног до головы не видал в себе ничего целого. Кто это делает? Тот только, *который следил за собой* и преследовал собственную свою правду до последней ее загады. Господь открыл ему глаза, может быть, во время испытания, или в болезни, или среди ночи, когда в глубоком сне он открывает ухо человеку и объясняет ему причину наказания. Не все призваны на страдания Иова, но кто бы мы ни были, если мы себя не будем обвинять, мы находимся еще под законом, а кто под законом, тот под проклятием.

3 августа

Псалмопевец

Боже! Ты мой Бог, к Тебе утреннюю, жаждет
Тебя душа моя, томится по Тебе плоть моя
в земле сухой, жаждущей, безводной
(Пс. LXII:1)

Это есть вопль, звучащий во всей Псалмах. Что наша жизнь, если она не принадлежит Богу? Псалмопевец ведал эту тайную, эту глубоко скрытую жизнь, которая изливается в наших молитвах и присущна всем нашим потребностям, нашим радостям, которая вводит в сношение мир вещественный с вечным миром и в которой сердце человеческое исцеляется, оживляясь на лоне Бога. Псалмы не составляют собственно книгу церковную; эта книга не одного только века, а всего человечества! Псалмы говорят душе всякого страждущего, всем любящим, всем жаждущим и не имеющим утолить жажду и всем, кто с зарею утреннею восстает благодарить и славит Бога. В музыке много различных тонов, в живописи много разных оттенков, но кто изочтет струны, которые заставляет звучать псалмопевец и оттенки внутренной жизни, изливающейся пред Господом?..

Когда наше сердце утучняется духом мира, псалмы заставляют нас опомниться и выдти из суеты мира. Когда наша правда становится правдою фарисеев и книжников, Псалмы опять показывают, что мы рождены в грехах и что наши раны загноились от безумия нашего. Когда наша молитва только кимвал звенящий, псалмопевец дает нам жаждущую душу, желания истаивающие: сегодня воздыхания и стоны, завтра песнь освобождения. Когда мы обличим себя виновными в неблагодарности или равнодушии, псалмопевец опять показывает, что все наше благо – приблизиться к Богу, прославлять каждодневно Его милости и Его верность каждый вечер. И именно когда мы находим у себя оскудение веры, когда свет в нас угасает, сердце и дух наши утомляются и падают, мы должны читать Псалмы. Они нас располагают к терпению и гласят нам: потерпи Господа, хотя бы мы были в местах непроходных и в тине болотной. Они дают нам почувствовать, что чтобы ни случилось с нами, но Вечный есть наша сила, наше славословие! Избавитель наш! И тогда глас победы зазвучит в нашей Скинии и мы воскликнем: «Десница Господа преодолела».

4 августа

Евангелие и книги, сочиненные людьми

Слушающий вас, Меня слушает; и отвергающий вас, Меня отвергается, отвергающий же Меня, отвергается пославшего Меня

(Лука. X:16)

Расскажите нам, если можете, так, как евангелисты. Покажите мне книгу, переведенную столько раз, читанную столько тысяч раз и к которой бы так часто возвращались, как к четырем евангелистам.

Слог у них самый простой, ни одно размышление не следует за рассказом события; они не ораторы, не философы, не великие историки, это не уста словесников, это служители Божии. Что бы вы ни думали о Библии, вы никогда не помешаете душам, жаждущим питаться глаголами Евангелистов. Если в нас найдется только ухо слышаща и око видяща, мы почувствуем в словах св<ятого> Матвея, св<ятого> Иоанна мощный глагол ТОГО, который сказал: «освяти их Твоею истиною, Твой глагол есть истина». В простых рассказах евангелистов мы найдем жизнь и истину. Другие книги утомляют, Евангелие освежает. В других книгах говорит мир и мудрость человеческая, у Евангелистов могущество Бога, премудрость Божия в Господе нашем Иисусе Христе. Будем просты как голубь и нам будем приятна эта простота в духе Христовом; мы изумимся премудрости Божией, которая, чтоб уничтожить мудрость премудрых, заставила написать нищих духом книгу, которая возрождает новую жизнь в человеке всех лет, всех стран, перерождает Канибала и нас самих, когда мы в нее уверуем.

5 августа

Послание Павла

Возлюбленный брат наш Павел,
по мудрости ему данной, написал вам
(<2> Кн. Петра. III:15).

Напишите, если можете, такие послания, как св<ятой> Павел. Покажите мне такие послания, которые, как его, обошли бы мир и богословия под такою же формою. Какая страшная разница между религиозной истиной, когда она воплотилась вся в душу и теми оставами науки, которая дается на

школьной скамье! Св<ятой> Павел отдается сам своему читателю, когда он пишет, и, прежде чем напишет, он уже сам проникнут тем, о чем писал. И «горе Ему, если бы Он вам не говорил». Его можно сравнить с человеком, которому остается жить только один день; от того он так торопится, употребить это немногое время, чтобы нас научить. Он это делает с любовью, которая победила мир и которая возрождает новых тварей. Так говорит нам Павел-узник, но он не променяет свои цепи ни на какие сокровища мира. Он уж не живет для себя, он служит Другому. Христос его жизнь и жизнь его посланий. Эти послания не содержат в себе сухого учения, или бесплодной терминологии, или школьного изложения, они суть выражения святого блаженства или высокого порыва, который, подобно реке, стремящейся из-под престола Божия, хочет овладеть нами и низвергнуть наше противление. Сам Павел называл себя человеком во Христе; дойди до этого и тогда можем писать послания! Христос, дарующий спасение, дает тоже полноту предметов и изобилие слов, есть характер, образовавшийся из союза кротости с силой, из высоты соображений с приложениями мировыми: это учение Божие, которое есть дух и жизнь, которое касается и предметов и слов, и друзей и врагов, и которое, будучи принято или отвергнуто, имеет всегда непременное последствие. Вот премудрость, данная св<ятому> Павлу, нашему возлюбленному брату, та, о которой свидетельствовали современные ему апостолы. Слог, говорят, есть сам человек. Какой человек виден в вашем слоге?!.. Перечитайте вашу собственную переписку и отвечайте на этот вопрос сами себе пред лицем Бога и в присутствии Господа нашего Иисуса Христа!..

6 августа

Илья и пророки

Илья был человек, подобный нам
(Иаков. V:17)

Мы удивляемся этим пророкам Израиля, которые во времена идолопоклонства и распадения нравов, стояли как столпы истины и сохраняли познание живого и крепкого Бога. Их послание имело двойную цель. Господь употреблял их для возбуждения совести в народах и для возвещения им своих судов противящихся Ему; но к проповеди закона присоединялся дар Благодати. Добрая весть о помиловании и целый ряд будущих обетов выступали из-за громов Синая, когда Бог видел искренное покаяние и истинное к Нему обращение. Но эти пророки были такие же люди, как мы, подверженные слабостям. Это сказано даже об Илье, которого молитвы затворили и отворили небо и который своею верою вызвал огонь на жертву. Мы имели бы к этим пророкам самое холодное удивление, если бы мы не знали, что они также чувствовали, страдали и даже иногда грешили, как мы. Самые высокие личности в царстве Бога были такие же грешники, как мы, и что их еще более возвышает в наших глаза, это то, что мы так же, как они, можем получить благодать. И у них, равно как и у нас, было каменное сердце и целый мир противления. Но в тот день, когда они услышали СЛОВО БОЖИЕ, они послушали Его. Оно сделало в них пролом, через который вошла в их сердце прямая истина. Будем читать пророков. Положим нашу упрямую выю под молот Божий, пусть он раздробит ее и Вожделенный народов придет к нам нас исцелить, помазать елеем радования, вместо пепла, посыпавшего главы наши, и облечь

нас в ризу похвалы, вместо скорби, стесняющей дух наш.

7 августа

Ложное отречение

Тогда Иисус сказал ученикам своим:
если кто хочет идти за мною, отвергнись себя,
возьми крест свой и следуй за МНОЮ
(Мат. XVI:24)

Отречение христианина от себя и от мира не есть ни строгость нравов, ни твердость характера, ни даже точное принятие и последование известным началам, оно есть проявление жизни в обновленном виде, когда Христос наконец родился в нас. Пожалуй себе, сколько хочешь удерживайся от многих вещей, убегай случаев возвращаться к старым привычкам, эти отрицания в подробностях не совершили бы полное отречение. Даже такое отречение самого себя не приобретет друзей Евангелию. Об нас будут жалеть, может быть, нам будут удивляться, когда увидят эти лишения, на которые мы сами себя обрекаем, но подражать нам не будут. Настоящее отречение есть облечение себя в духа Христова. Когда Спаситель обладает нашим сердцем, то есть центром нашего существования, ОН и изменяет совершенно наше направление. Тогда уже мы не станем отрекаться от мира, потому что невозможно станет жить по миру; что прежде был выигрыш, делается утратой по любви к Христу. Носишь встречаемые кресты не потому, что их надо нести, но потому, что их желаешь нести и что уж не хочешь другого жребия. Когда Христос перестает владеть сердцем, его охватит ужасное беспокойство, которого можно избежать, только отвергшись себе, и следуя за Спасителем узким путем, и

сливаясь с Ним воедино в Его смерти, чтобы вместе с Ним достигнуть и до славы Его воскресения. Отречение от себя и бодрствование жизни идут рядом. Если же жизнь утомляется, то это значит, что Христос не возобладал еще нами вполне.

8 августа

Посещения один к другому

Не учащай дом ближнего твоего,
да наскучиши ему и возненавидит тя
(Притчи. XXV:17)

Очень много теряют люди в близком знакомстве. Два друга, которые видятся каждый день, супруги, которые научаются узнавать ближе один другого, переменяют совершенно мнение друг о другом. Хотим ли мы оставаться в добрых отношениях, станем ходить реже в дома ближних. Мы можем поселить холодность к себе скорее, нежели то думаем. Это, однако ж, не значит, что мы должны держать себя как фарисеи и тщательно скрывая внутренное, выказывать только одну прикрашенную наружность. Совет мудрости имеет другое значение. Эти слова нам говорят, чтобы не доверять себе. У нас, в нашем характере, есть глубокие недостатки. Эти недостатки могут выказаться нечаянно и унизить нас в глазах посторонних. Если мы где и оставили хорошее впечатление, не будем на него считать: легко может случиться, что на другой же день в нас не найдут уже вчерашнего человека. Много есть вредных влияний, которые могут обнажить наши грехи и неровности в характере. Для этого надо бодрствовать. Чтобы мы ни делали, будем правдивы против всякого, но будем вместе и осторожны против всякого. Будем изучать

наши безобразные стороны и все, что может оскорбить тех, которых мы ежедневно видим. Принесем Господу как жертву доброе об нас мнение и вместе с тем станем беспрестанно выказывать пред Ним те недостатки, которые могут отвратить от нас. Станем менее рассеиваться и займемся прежде всего устройством внутренной жизни и предпочтем драгоценнейшее свидетельство Христа всякой похвалы одобрению человеков. Одна ошибка может нас уронить и лишить уважения света: ничто так не изменчиво, как мнение, но если мы пойдем твердо с Господом, если пожелаем только Ему нравиться и угодить, мы понравимся и другим и вся жизнь наша будем ознаменована Его печатью.

9 августа

Бдение

Посему, кто думает, что он стоит,
берегись, чтобы не упасть
(1. к Корин. X:12)

Не нужно много искушений, чтоб нас заставить жестоко упасть, и самое большое искушение есть наша беспечность. Легко может статься, что поутру не видим ни одного облака, а в течение дня можем быть настигнуты ужасной грозой!.. Отчего же это так? Оттого, что мы говорим: «все мирно и все прочно!», и вот такая уверенность и может произвести падение. Рассмотрите вашу природу, и вы найдете не одного врага, затаившегося в вас. Вот почему и хорошо иметь заботу на каждый день. Продолжительная тишина подвергает нас большим опасностям; будем благодарить, если какой ветерок зарябит поверхность наших вод… Самая прочная жизнь есть та, которая хранима скорбями. Можно иметь скорби

и без испытаний. Иногда случается так, что сердце, еще не довольно укрепленное, колеблется, боязнь, которая вдруг нападет на мысль, затруднение, нас ожидающее, какая-нибудь склонность, которая вдруг пробудится и еще мало ли что и менее важного, могут нас озаботить, но вместе с сим и заставить нас остерегаться. Живое опасение лучше, нежели мертвый покой, наши сношения с Богом, прежде всего, должны проявляться в чувствах зависимости и все, что нас тяготит, нам вспоминает руку Божию. Но если Господь говорит нам: «Будьте бдительны», – Он не говорит нам: «Будьте беспокойны». Бдение есть наш первый прием и привет Богу; беспокойство есть первое неверие. Если нам хорошо под рукою Бога – и всякое стеснение нас опять Ему подчиняет, то пойдем доверчиво. Мы слабы, но Бог силен, отдадим Ему всю славу – и мы победим.

10 августа

Ожидание в покое

Держите себя в покое и уверенности,
и вы будете освобождены; ваша сила будет
оставаться в покое и уверенности
(Исайя. XXX:15)

Не всегда найдется время помолиться или назидаться как следует, когда вас увлечет водоворот дел или Господь устроит наш день иначе и против нашей воли. Может случиться, что такого рода препятствия возмущают наш дух и заставляют нас подумать, что мы, как город без стен. Оно и вероятно, что когда не помолишься или худо помолишься, то надо непременно ожидать нападений врага. Для таких-то минут нам и сказано, чтобы удерживать себя в спокойствии и уверенности. Останемся за своим

делом, и Господь будет с нами. Не по числу минут назидает нас молитва и не загромождение дел отдаляет нас от Господа. Но желаем ли мы Его присутствия и стоим ли мы под Его волей? Его путь, не наши пути, и когда мы пойдем по Его путям, Он будет работать за нас и оставит нам Свое присутствие. Это самое присутствие и есть наша молитва. Душа, отдающаяся Богу среди шума и затруднений светских, есть та самая, которая молит и которой сила есть в том, чтобы содержать себя в спокойствии и уверенности. Безмолвие кабинета, где мы можем молиться и сосредоточиться в себе, есть благо, ценимое нами только тогда, когда мы его лишены, но когда Господь заставляет нас выдти из нашего обыкновенного положения, это для того, чтоб мы привязались к Нему, везде и с тою же доверенностию. С кем обещался Он быть до скончания века? С теми, которые остаются в покое и полной уверенности и которые из такого положения извлекают свою силу в дому Христа.

1 января
Светские посещения (*визиты*)

Се творю все новое
(Апок. XXI:5)

По светским обычаям этот день посвящен светским посещениям, хлопотам, этикету и милым желаниям всякого рода. Для религиозного человека это есть день великих преднамерений. Но когда один окончит свои светские [визиты], а другой утвердится на каком-нибудь решении, что тогда? Природа и люди не остаются те же, так и жизнь их будет тою же, как и была. Итак, возьмемся за дело. Один Бог есть *Альфа* и *Омега*, начало и конец; и Дух Божий в сло-

ве Его. Он Один *сотворит все новое*. И так, от Него к вам, а не от вас к Нему надо идти. Он вызывает вещи, которые дотоле не существовали. Что Он делает в природе, Он то же делает и в мире духов. Его очи уже видели вас, когда вы были не что иное, как начаток, без образа и вида, и, как Он первым вас возлюбил, он избрал и призвал вас не по делам вашим, но по своей всепремудрости и Благодати во Иисусе Христе. Он же освятит ваш дух, вашу душу, ваше тело и подкрепит вас до конца, чтоб быть оправдану в день Господа нашего Иисуса Христа. Раскройте же вашу душу этой любви и неизменности таких обетов: Вы почувствуете тогда такую уверенность, с которой прямо пойдете вы во сретение вашего Бога, и Он поведет вас по путям своим. Он ничего более не требует; и все остальное сделает Сам. В этот год вы испытаете много, но самое лучшее для вас будет удостовериться в том, что этот великий Бог верит в вас. Он художник – будьте мягким воском в его руках и Он уже образует вас. Эти слова истинные и верны: вера нас приемлет, а верить – значит уже получить.

2 января

Власть над собой

Чадо! блюди сердце свое паче всякого сокровища,
зане из него истекают источники жизни.
(<Притчи>. 4: 23)

Самая потребная сила для вас – это власть над собою. Человек, не могущий удержать дух свой, подобен граду с проломами в стенах, или у которого нет стен. Из сердца выходит направление жизни, и от увлечения сердцем вашим зависит все горькое и сладкое в вашей жизни. Если худое увлеченье

возьмет верх, оно становится цепью, отнимающей всякую свободу; равно и святое увлечение, когда постоянно ему предаемся, открывает путь многим благословениям. Хотите ли вы достичь до власти над собою? Без замедления отдайте всего себя истинному Учителю. Власть над собою возрастает по мере того, как вы подчиняетесь власти Господа. А царь, говорит Иисус Христос, подчиняет Его владычеству каждое возникающее в вас увлечение; уступайте Ему каждый день более власти над собою и Он освободит Вас из рабства вашей природы. Он вам прямо укажет на свойства главных ваших сложностей и на них обратит он все ваше внимание. Устройте ваше сердце так, чтоб оно слышало голос Господа и ваши враги над вами не восторжествуют. За этой первой победой, потому что она главная, последуют еще другие. Сохраняя ваше сердце более всех ваших драгоценностей, вы останетесь обладателем источников жизни.

3 января

Пробуждение телесное

Пробуждаясь, я еще с тобою
(Пс. 138:18)

В каком расположении просыпаетесь вы обыкновенно поутру? Есть три возможные пробуждения! Вы можете быть, открыв глаза, в совершенном бесчувствии и сухости; или первые минуты вашего пробуждения могут быть и светлыми и темными попеременно, или без всякого напряжения, вы можете стать пред Господом и Ему сказать: «И пробудясь, я еще с Тобой!» Усните с Господом и вы проснетесь с ним. Конец соответствует началу. То, что уместится между добрым началом и добрым концом, не может быть

иначе как доброю серединою. Впрочем, не очень опирайтесь на хорошее расположение с утра. Можно начать день с тысячью неприятностями и видеть тоже, как они легко рассеются, подобно туману от солнечных лучей. Можно также радоваться с утра, а к вечеру быть несчастливу и умереть. Ваша сила только в том, что Господь вас охраняет. Стрегущий Израеля не воздремляет и не спит. Если вы правы и чисты сердцем, Он воспрянет прежде вас и водворит мир свой в жилище правоты вашей. Начните ваш день с того, чтоб у Него просить, чтобы правота и честность охраняли вас и посреди всего, что может с вами случиться, вы услышите глас: «Я все еще с тобою!»

4 января

Духовная опора

Единое есть на потребу
(Лука. X:42)

Есть необходимая потребность, чувствуемая в нашей естественной и в нашей духовной жизни – эта потребность единство.

Литературное творенье, в котором нет единства, есть недоконченное творенье. Нельзя быть с удовольствием в семье, которой члены разъединены; и трудно сдружиться с человеком, у которого в характере нет единства.

Если это истинно в жизни обыкновенной, то еще истиннее в жизни духовной. Наша душа стала бы, если б, посреди этих разных движений, в ней пересекающихся, у нас не было убежища, какой-либо *скалы* или высокой ограды. Мы понимаем этот вопль псалмопевца: О, кто мне даст крыле голубины, да улечу и да почию! Есть ли у вас опора духов-

ная? Поддайтесь Ему, Он есть Единое на потребу, часть благая, которая от вас не отнимется. …Единство, которого у вас недостает, если действительно недостает, есть единство живое и личное. Бог дал Христу все, что есть на небесах и все, что есть на земле. В единстве, в соединении с Ним уничтожаются грехи, заботы и страхи. Только те, которые соединены с Господом и одного духа с Ним, пользуются истинным спокойствием. Во всех их мирских запутанностях они господствуют над вещами, господствуют над собою – сердце их там, где их сокровище!..

5 января

Углубляйтесь в писания

(Иоанн. V:39)

Исследовать – значит проследить до самой глубины. Всмотреться в намерения Бога об вас; писание вам их покажет одно за другим. Не читайте механически: это будет по-фарисейски. Человек должен жить всяким словом, исходящим из уст Бога и потому обратите ваш дух на это святое слово, чтоб до вашей души дошел смысл, к вам примененный. Вы везде найдете то, что может вас научить, убедить, исправить и направить к истине. Не останавливайтесь только на одних обетованиях и утешениях, а читайте все последовательно, для того, чтобы обитать в дому Вечного, чтобы созерцать Его красоту и посещать постоянно Храм Его. Не останавливайтесь тревожно и на том, что не понимаете. Господь пошлет вам свой свет на каждую строчку. Если вы примете зерно в честное и доброе сердце, дух Божий научит вас каждый день более, потому что он дает тому, кто уже имеет, чтоб

он имел еще более. Во все времена свет озарял тьму для идущих прямо; но не для тех, которые удерживают истину в узах, и, идя ложным путем, извращают свои способности, ожесточая и сердце свое и волю…

6 января

Хранение сердца

Будьте тщательны, неослабны духом,
пламенно служите Господу.
(к Римл. XII:11)

Пламенность духа есть та животворящая теплота души в ее сношениях с Богом. Быть пламенну духом – значит жить духовно. Религиозные обряды не главное, когда нас не оживляет дух Божий. Не смешивайте пламенность духа с простым разгорячением чувства. Быть пламенну духом не есть кипение. Тогда только поймем мы это, когда будем жить под влиянием духа Софии, когда Его светом мы узнаем другого духа, хотящего овладеть душою, и когда мы предадимся истинно ощущениям Святого Слова. Мы не всегда так делаем. Мы пребываем благочестивы в назначенные часы, но после мы колеблемся и уносимся куда ветер не повеет. Мы не любим устроенности духа: ложная же независимость из всех – хуже всякого рабства. Когда пламенность духа в нас гаснет, то входит в нас плотская изнеженность, пошлое спокойствие, головное христианство и часто дурное настроение духа. Остерегайтесь, глядите за собою в ваших сношениях с Богом и помните, что Он желает только поклонников в истине и духе. Беспрестанно просите помазания свыше, пусть оно прольется вам и на главу вашу, и на вашу одежду. Каждый день думайте о ва-

шей смерти, о вечности, о важности Божественных предметов и источник жизни будет с вами. Вы будете страдать, когда вы заметите, что в вас не тот Дух, который хочет с вами жить вечно и который и есть великий Утешитель...

7 января

Сокрушение духа

Жертва Богу дух сокрушенный;
сердце, сокрушенно и смиренно,
Бог не уничтожит.
(Пс. L:19)

Часто мы бываем оскорблены, но чем? Какими-нибудь поступками других, но что в нас оскорблено, это наша излишняя чувствительность. Когда мы находимся под бременем испытания, или утомлены трудом, или исполнены уныния, можно даже сокрушаться. Но сокрушение и удрученность сердца, упоминаемые Давидом, другого рода. Это сокрушение сердечное, при взгляде на себя. Что сокрушает в спасении? Это скорби, происшедшие от наших грехов и от беспрестанных наших падений. Эта святая скорбь не есть уныние. Есть в сокрушенном духе и удрученном сердце тысячи молитвенных вздохов к Богу, который не сокрушает надломанную трость и еще дымящуюся искру. Как бы вы ни были несчастны, не оставляйте вашей веры, которая должна получить такую великую награду. Удержитесь от воплей, только ослабляющих нас, но смиритесь под крепкую Руку и Он вас возвысит. Сокрушенная душа, вместе с этим, есть душа крепко хранимая и огражденная; кровь Христа в эти минуты за вас заступается. Она дает ей победу, если б на совести у вас лежали и грехи всего мира.

8 января

Наши пути

Поищем наш путь и исследуем его
и возвратимся к Вечному.

На фронтоне одного Храма, знаменитого во всей языческой древности, читали эту надпись: «познай самого себя». Св. Писание повторяет нам такой призыв на каждой своей странице. От познания самого себя зависит и справедливость ваших мнений, и возрастание в жизни духовной. Поищите ваш путь, как путешественник, возвращающийся по той же дороге, по которой он прошел. Делайте такого рода *возвращения над собою* в тишине вашего кабинета, и сберите ваши мысли в себе самих. Исследуйте себя и возвратитесь к Вечному. Это Он, который зажигает вашу лампаду. Вечный, Бог ваш просветит тако же и тьму вашу. Вникая в себя, вы станете на себя смотреть другими, чем обыкновенными глазами, и тогда, в присутствии Бога, который весь есть свет без тени, вы увидите, что Вы есть. Он знает, из чего вы созданы, а вы этого не знаете. Если молитва ваша вас ничему не научит о самом себе, советуйтесь с Его словом. Сравните, каковы вы были, находясь в таком же положении в ваших сношениях с теми же лицами. Наблюдайте особливо за собой, когда вас затрогивают за чувствительные места, или когда вы имеете дело с противными характерами. Нетерпеливые движения из вашей души вам покажут безошибочно настоящее ваше положение. Исследуйте себя не для того, чтобы тщеславиться таким критическим разбором, но чтобы дать истине более ходу в вас и с желанием, чтобы она вас освободила.

9 января

Неопределенные отношения с Христом

Сия же есть жизнь вечная:
чтобы знали Тебя,
Единого истинного Бога,
и Тобою посланного Иисуса Христа
(Иоанн. XVII:3)

Знать Бога – совсем другое от того, чтобы иметь верное понятие о Боге. Познание Бога есть жизнь вечная. Кто знает Бога, тот с Ним в сношении и получает от Его полноты милость за милостью. Мысли же не дают никакой силы; познание теоретическое производит только головное христианство… Духовное же познание есть уже власть для будущего века, хлеб жизни, мед, истекающий из камня. Бог послал нам своего Сына, для того чтоб этот Сын опять соединил нас с Отцем и сделал нас причастниками всем богатствам Бога. Иисус Христос есть путь и дверь, никто не может придти к Отцу, как чрез Него; кто отвергнет Сына, не имеет и Отца. Если есть христиане, извлекающие так мало силы из их христианских познаний, это всегда от их неопределенных отношений с Христом. «Кто меня видел, говорит Иисус, видел Отца моего»; а видеть Иисуса Христа – это значит искать Его, привязаться к Нему верою; это видеть и вкусить, как благ Господь. Приближтесь к Нему, и Он приблизится к вам, чтобы вам сообщить все, что касается до жизни благочестия. Отец и Сын сотворят Свою Обитель у вас, если вы желаете приобрести истинное познание и вы допустите, чтоб и оно в вас действовало для вашего обращения и спасения.

10 января

Дух рабства

Вы получили не дух рабства, чтобы опять
жить в страхе, но получили дух усыновления,
которым мы взываем: «Авва! Отче!»
(К Римл. VIII:15)

Это дух, который управляет жизнию и сообщает воле нашей ее стремления. Некогда наш дух был дух Божий. Эта духовная связь содержала между Создателем и созданием совершенную гармонию. Но когда грех вошел в мир, то и обыкновенное настроение нашего духа изменилось. Наши *сношения с Богом* сделались насильственные. Мы чувствует нужду в Боге, не хотим совершенно с Ним расстаться, но дух, в котором мы служили Ему, есть дух рабства. Мы уже не чада Его, а наемники. Наши *вероисповедания*, наши занятия, наше христианство стоят нам ужасных усилий. Если мы захотим испытать наше сердце, чтобы дойти до причины такого сопротивления, мы найдем, что она кроется вначале нашей как бы неприязни против Бога, в нашей испорченной воле, которой последствие есть сухость и утомление. В нашем обращении дух опять обращается к Богу: он обладаем <sic> бывает новым началом жизни, т.е. любовью. Мы получаем тогда свидетельство, что в Иисусе Христе мы приняты, чтобы опять войти в обладание прав, отнятых у нас грехом. Вера такая располагает наши сердца приблизиться к Богу в духе сыновнем; она учит и звать Его *АВА*, т.е. Отцом. Обратитесь и вы увидите разность между духом рабства и духом усыновления. Первый есть самая ужасная мука души, второй наполняет ее доверенностию и любовью; он доводит человека Божия до совершенства и делает его способным на всякое доброе дело.

11 января

Полное безумие греха

Твое коварство будет тебе казнию,
и неверность твоя обличит тебя, для того,
чтоб ты понял, что это худое и горькое дело,
что ты оставил Вечного твоего Бога
и что нет уж МОЕГО страха в тебе,
говорит Господь сил.
(Иеремия. II.19)

Люди, понимающие вполне важность обращения, суть именно те, которые более других чувствовали всю горечь греха. Эти самые горечи и заставляют нас покинуть грех. Блудный сын не возвратился бы в дом отца своего, если б он не почувствовал себя в таком ужасном положении, чтобы завидовать даже пище свиней. Можно иметь даже уверенность, что грех делает человека несчастным, что он не дает того, что обещает, и все-таки в этом сознании мы не найдем ограду против него; это есть только вывод здравого смысла, а здравый смысл один никого не обращает. Напрасны все предсказания, все рассуждения о том, что с вами может быть, когда вы под властию вашей страсти: увлечение сердца перемогает все красноречивые речи. Нам нужна другая воля, и она тогда только придет, когда наше коварство нас порядком накажет, наша изменчивость во всем обличит нас и мы почувствуем в том для себя ущерб, что мы сделали худое и горькое дело, что оставили Бога сил. Тогда только страх Божий к нам возвратится, мы почувствуем всю мерзость, все безумие греха и когда он явится нас соблазнять, мы можем ему сказать: «как могу я сделать такое зло и согрешить против моего Бога?..»

12 января

Обеты

Вечный откроет тебе свои сокровища

(Книга Чисел. XXVIII:2)

Сокровища вечного – суть Его обеты. Он тогда дает вам почувствовать их силу и действительность, когда вы сами себя почувствуете несчастным, оставленным, бедным, слепым и обнаженным. У Сатаны есть тоже свое сокровище, но оно составлено из лжи и нечестия. Равно и сердце наше в своем естественном положении обладает обольщающими вожделениями. Но сокровище Божие совершенно различно от этих двух. Один только из Его объектов, но вполне принятых и вкушенных нами, утешит нас за целую жизнь, исполненную горечи. Во всяком из них сообщается нам Сам Бог и мы познаем тогда, что Он есть любовь: везде и во всем действует та же любовь, изменяющая только свои дары в разных видах, смотря по нашим нуждам, не истощаясь никогда ни во времени, ни в вечности. Опыт в верности одного обета ведет нас надежно к другому, и это так для нас сбывается, как будто Сам Бог ведет вас за руку, чтоб показать вам Его тайные сокровища и открыть вам все свои богатства, хранимые под глубокою тайною. Конечно, Один Господь имеет ключ от этого драгоценного сокровища. Он Один верою допускает в нас столько силы и столько утешения. Для многих христиан обеты Божии находятся как будто за железными запорами и железными решетками. Нераскаяние, любовь к миру или неверие разлучают много душ с сокровищами Господа. Просите, чтоб эти препятствия сокрушились, и Господь раздробит их. Молитесь именем Иисуса Христа, в котором все обеты Бога суть АМИНЬ, и внутренное святилище Бога

вам откроется. Вы узнаете Отца, который в лице Сына, идет к вам на встречу, исполненный благости и истины.

13 января

Как достичь до единства

Ибо, кто сохранит весь закон, и в одном, *чем*-нибудь согрешит, то становится виновен во всем
(Иаков. II:10)

Самая обыкновенная хитрость сердца есть какие-то сделки с Богом. Мы уступаем девять предметов, чтоб отклониться от десятого; сделали бы сверх положенного, только чтобы в других случаях себя уволить… Если вы отказываете Богу в вашей жизни, или в вашем только волосе, все Он видит в вас своего врага. Тот, который сказал: «не прелюбодействуй», сказал тоже: «не убий». Закон Божий один. Не действия сами производят послушание, но нужен дух послушания. Господь хочет иметь народ откровенный, служащий Ему добровольно. Мы сами не требуем ли от наших детей или прислуги, чтоб они нам служили добровольно, а не насильственно?.. Это множество больных христиан от того, что идут не прямым путем, и как сказано: тот, кто спотыкается, все-таки не отклоняйся вовсе, а лучше старайся идти прямо. Что вы выиграете вашими делами? Вы останетесь не спокойны; есть задержка в вашей молитве, СЛОВО Божие на вас не действует, эта горечь корня, простираясь кверху вас, смущает и, может быть, от того вы заразите многих. Войдите в порядок и судите сами, что в вас хочет отклониться или уйти от Бога? Закон Божий есть тоже закон свободы; Он вас освободит, если вы дадите ему полную власть над собою. Не колебайтесь,

и вы опять войдете в гармонию с Богом, найдете перевес жизненных сил и мир невообразимый.

14 января

Страх Божий

Страх Божий есть истинная премудрость,
а уклонение от зла есть ведение
(Иов. XXVIII:<28>)

Есть два различных страха. Тот, о котором здесь упоминается, назван началом премудрости и блаженным страхом. Вы его почувствуете, когда пойдете под наблюдением Св<ятого> Духа и склоняясь к Его предостережениям. Этот страх охраняет от зла и от самоуверенности. Об нем-то говорит Св<ятой> Петр: «со страхом проводите время странствования вашего». Это-то и есть святой страх сына к своему отцу и самый лучший предохранитель от всякого падения и безумия. Бойтесь только Вечного, служите Ему в истине, всем сердцем вашим и вы увидите, какие чудные вещи Он для вас сделает. Писание всегда возвращается к тому страху и не утомляется в подтверждение о нем. На вас, боящихся Его Имяни, сказал Вечный, взойдет солнце правды и здравие будет в лучах его. Страх Божий изощряет свободное упражнение сил души. Пока вы будете бояться Бога, вы будете владеть собою. Конечно, для Бога нет *выигрышу* в вашем к Нему страхе, но вы все *выиграете*, отвращаясь от зла.

15 января

Ложный страх

Не бойся, только веруй
(Марк. V:36)

Диавол есть глупый подражатель Бога, и закон свой он подделывает под закон Бога. Слова остаются

те же, но смысл их искажен. То же можно сказать и о страхе, внушенном диаволом. В падшем человеке оно заменяет направление Святого духа. Адам, грешник, боялся предстать Бога. Страх, внушаемый нам диаволом, есть тот, который держит нас далеко от Бога и который разрушает любовь. Под зловредным влиянием врага привязанность делается отвращением, доверенность переменяется в подозрительность и безверие; послушание доброхотное заменяется повиновением рабским. Сущность пожертвована форме и истина – наружности. Ничто не делает так жалким человека, как такое положение; и вот такой-то цепью держит нас всех диавол прежде нашего обращения. Но Сын Божий пришел, чтоб уничтожить дела диавола. Он говорит связанной душе: «не бойся, только веруй». Это есть меч, проникающий в засады Сатаны, очищающий дорогу к доверию. Примите Иисуса Христа как пришедшего в мир спасти грешников, и Он вам даст право соделаться чадами Божиими, с верою в Его Имя. Чадо уже не раб. Иисус освобождает всех, которые были во всю их жизнь в рабстве. Там, где восстановлена любовь, доверие скоро возрождается. И так полная, или совершенная, любовь изгоняет страх.

16 января

Что Христос для нас

Им, вы пребываете во Иисусе Христе, который
сделался для нас премудростию от Бога,
праведностию, и освещением и искуплением.
(К коринф. <1>:30)

Много есть таких людей, которые не знают, что нам Бог даровал во Христе. Эти четыре слова, вами прочитанные, и содержат в себе порядок благо-

дати. Отбросьте же ваши предрассудки, ваши метания и ваши личные мнения: они плохие руководители и свет неверный: один Христос есть путь и свет миру. Его, а не вас, надо слушать. Допустите до себя Его слово и Христос, от Бога, сделается для вас *премудростию*. Читая же Священное Писание, углубляясь в него, он научит узнавать неисцеленные раны вашего сердца. Ваша собственная правота представится вам как самая нечистая ткань, и немощны, напрасны все усилия, чтоб переделать свою природу, вы дойдете до того, что возопите: «Несчастный! Кто избавит меня от этого смертного тела?!» В этот самый час Иисус Христос, опять от Бога, сделается для вас *праведностию*. Он вас научит тому, что вам казалось невозможным. Бог это сделал, послав Сына своего в мир. Если вы этому поверите, праведность Христа покроет все ваши неправедности, и Его жизнь будете отвечать за вашу потерянную жизнь. Вы будете спасены милостию, даром от Бога, праведностию не от ваших дел, а праведностию Бога, дарованною безвозмездно, через веру в Его возлюбленного. Уверенность в таком спасении соделается для вас закваскою радости и жизни, которая не допустит вас ни оставаться в грехе, ни в праздном и бесплотном обладании благодати. С той поры ваше блаженство будет идти вместе с Иисусом Христом и, таким образом, милостию Божией, Он соделается для вас *освящением*. Тогда не вы уже будете жить, а другой, и будет работать в вас. Вы испытаете, что вас освещает не ваша собственная сила, но Господь Сам все в вас совершает, все что Ему угодно, через Иисуса Христа. Эта работа будет производиться среди многих борений; в вас много еще останется

несовершенств и корни греха не оставят вас до смерти; но перед вами уже откроется будущность, в которой что было, то прошло, и где Христос сделается для вас от Бога – *искуплением*. Делание в нас Христа продолжается до нашего освобождения от тела и до нашего прославления небесного. Тогда только это великое дело искупления, окончания и будет увенчано. Начатое в лоне несовершенств, оно окончится в славе и одесную Бога…

17 января
Ложное благочестие

В телесном упражнении немного пользы,
а благочестие не все полезно, ибо Ему
принадлежит обетование
настоящей и будущей жизни
(<1>Тим. IV:8)

Есть христиане, которые весьма заботятся о наружных благочестивых упражнениях; так они их называют. Но эти упражнения, однажды выполненные, уже не оставляют у них по себе никакого следа. Это все вместе можно назвать вседневным нарядом духовным, а всякому известно, что мы не всякой день надеваем праздничное платье. И так, вообразив и рассмотрев всю мелочность, из которой составлен этот духовный наряд, мы ясно увидим, что одно наружное благочестие нимало не улучшит наше внутренне положение. Отцеживают комара, а верблюда поглощают. Господь взирает на сердце и на то благочестие, на все полезное, об котором говорит Св<ятой> Павел. Хотите ли узнать истинно благочестивых и идущих к совершенству? Это суть те, которые жаждут Бога живого и крепкого, которые вопиют к Нему, как олень, жаждущий живых

потоков, это те, которые на все глядят, как на потерянное в сравнении познания Иисуса Христа. Это те, которые приняли девиз: «я принадлежу возлюбленному и Его Благодать касается души моей!» Будьте только в таком расположении и поэтому, если начатки святы, то и остальное таким же будет. Огромность и разнообразие ваших наружных упражнений не заставит вас ни на минуту подвинуться, если ваша душа не проникнута и не блаженна каждый час, каждую минуту благочестием, приправляющим вашу настоящую жизнь, и которая довершит ваше блаженство и в будущей.

18 января

Бескорыстие

Смерть действует в нас и жизнь в вас
(1 Коринф. IV:12)

Св<ятой> Павел для того, чтобы действовать на Коринфян, умирает сам себе. Действие такой смерти возымело силу животворную. И поистине, когда мы видим сердце, отстающа от вещей видимых и которое смиренно покоряется кресту, мы говорим: «здесь истина, потому что истина есть жизнь, была жизнь умирающая, а другая возникающая!» Хотите ли произвесть духовное влияние?.. Не употребляйте много слов: есть довольно скучных обратителей… Покажите в том, что до слов касается, что вы под властию силы действующей в вас и которая, проникнув до глубины вашей прежней жизни, соделала вас новым человеком, покажите, что хотя вы еще ходите по земле, но что ваше сердце там уже, где его сокровище. Это заставит призадуматься. Такая смерть, действуя в вас, будет закваской жизни для вашего семейства, для всей церкви; она убедит дру-

гих в том, что Библия есть что-то живое, что Сын Божий есть неоцененный дар и что можно дойти до того, чтобы ничего не хотеть знать, кроме Иисуса и Иисуса распятого.

Бдите и молитесь*

Вся жизнь христианская заключается вполне в этих двух изречениях: *бдите* и *молитесь*. Равно, как и во всех словах Евангельских, чем более вникаешь, тем более находишь в них глубокий и пространный смысл. *Бдите* и *молитесь*: этот совет должен бы быть непрестанно перед глазами нашей совести и памяти, ничего не может быть спасительнее его для нас. *Бдить* – значит не допускать ни одной мысли, ни одного движения, неугодных Богу. Это значит ограждать себя от всех нечаянных налетов, и нападений самолюбия, и обаяний суеты. Редко встретишь человека до того испорченного, чтоб он делал зло свободно и умышленно; но мы к, несчастью, допускаем его в себе угнездится врагом нашим, потому только, что мы недовольно были бдительны. Вообще можно сказать, что почти все наши нравственные страдания, все надрывы и раздирания сердечные, которые совершенно потрясают всю нашу жизнь, могли бы быть предупреждены нашей бдительностию; тогда бы мы не впустили в нашу душу этих страстей, которые все, даже и самые законные, причиняют смерть душе и телу. *Бдеть* – значит покорить даже невольное, т.е. подчинить власти рассудка и обязанностей, все наши безумия, химеры и суеты здешней жизни; и Сам Бог, научающий, как и всегда, нас Своему закону, дает нам одно только правило, которое только одно может упрочить наше бла-

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 36 об.

женство даже и в этой жизни. Когда мы станем бдеть, то этим самым сохраним и устроим мир в душе нашей; молитвою же мы придадим силу для бдения и самая молитва не есть ли уже отчасти то же самое бдение?..

Таким образом, непонятным для нас таинством, все христианские добродетели суть непрерывные звенья одной и той же цепи между собою; и если мы приобретем одну в совершенстве, что мы будем обладать несомненно и всеми. В этом самом смысле сказал Христос: за любовь простится многое. И в самой вещи, любовь истинно христианская, не может существовать во всем своем пространстве без веры и надежды. – Можно ли любить, не веря в вечность?.. Итак, будем *бдеть* и молиться, чтоб еще в здешней жизни сохранить мир в душе нашей и для достижения вечного блаженства, которое Бог обещает исполнившим Его заповеди здесь и прославившим Его святое имя.

О страстях[*]

Бог есть одна цель для человека – и чтоб человеку достичь в этой жизни до мира и блаженства, то Бог должен быть его единственною целью. Страсть – имеет тоже свою цель, и эта цель есть сама тварь… Вот единственная причина всех бурей и несчастий, которые нападают на наши сердца, когда мы допускаем страсти овладеть ими. Здесь-то и есть отключение от нравственного порядка, которое непременно должно быть наказано, потому что если человек найдет все свое блаженство в своей страсти, тогда Бог становится для него уже не нужным… Страсть наполняет в глубине наших сердец эту величайшую пустоту, которую Бог оставляет для того, чтоб мы почувствовали, что мы без Него несовершенны, и что по этой-то самой причине Бог делает тщетными все наши усилия наполнить эту пустоту другим предметом кроме Его самого.

Однако как не преступна бывает страсть, но она менее пагубна для человека, чем порок.

Она истощает и опустошает душу его овладевшую, но порок унижает и бесчестит… Страстная душа еще может обратить к Богу <нрзб.> ее увлекший, но душа порочная должна совершенно возродиться прежде, нежели дерзнуть поднесть Богу жертву благоговейную и достойную Его.

Просвети меня, Господи, научи меня оправданиям твоим и открой мои очи увидеть свет Твой.

---

[*] Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 38 об. – 39 об.

Страх Божий*

(страх Божий есть начало премудрости)

Многие смешивают страх Божий с тем движением, которое скорее можно назвать боязнь Бога. Но это не есть чувство нам полезное и заповеданное религией.

Страх Божий заставляет нас опасаться более всего оскорбить Бога и Ему не быть угодным… Он беспокоится о том, что не заслужит награждения, между тем, как боязнь страшится заслужить только одного наказания… Страх Божий не препятствует любви, но нельзя любить то, чего мы боимся, а страх – чувство сыновнее. Страх должен иметь ту основу в нашем сердце, когда мы видим все совершенства Божии и познаем Его справедливость. Надобно же, чтоб эта справедливость была удовлетворена, потому что Бог есть олицетворенная справедливость и рассудок заодно с верою говорит нам, что зло должно быть заглажено. И как причина также должен быть страх за сделанное нами зло.

Иисус Христос был жертва, принесенная для искупления всех истин, грехов: Высочайшее таинство! Будем подражать Ему; примем все горькие кресты, посылаемые нам Провидением, как средство загладить столько оскорблений так часто нами повторяемых… Мы все будет бояться пока не удовлетворим справедливость <…>.

Но самый этот спасительный страх закует наши страсти, оживит наши силы; разбудит в нас осторож-

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 44–45 об.

ность и сохранит нас от лжи и утомления; это обыкновенные подводные камни, если мы наше благочестие не сопровождается страхом.

О Боже! Благоволи дать мне этот дар и покажи мне самой себе такою, как Ты меня видишь, для того чтоб я была совершенно проникнута своим недостоинством и необходимостью Тебе служить и угождать лучше, нежели я доселе делала, чтоб наконец заслужить Твою милость и Благодать Твою.

Сила*

Сила есть дар, без которого все прочие не нужны. Без силы все добрые помышления бесплодны, благолепие не приносит плода, и усердие не постигнется.

Можно иметь чистоту души, желание добра, любовь к своим обязанностям, но без силы ничего не иметь. Все становится преткновением для слабости; краснеешь от своих проступков, соболезнуешь о них, раскаиваешься, но все это для того только, чтоб снова впадать в оные. Недостаток силы есть одна из главных опасностей в поздних обращениях. Года продолжительного порчения, привычка неправильной жизни, притупленной силы. Еще у него ничего не просили, а он уже вас покидает, именно когда вы хотите воспользоваться.

Будем непременно иметь в мыслях присутствие Божие и необходимость исполнять и повиноваться его заповедям; Он придет к нам на помощь, Он нас поддержит, потому что наша сила от него, равно как и все доброе, что мы в себе имеем. Один способ поддерживать это есть бдительность. Если вы только не забудете Бога, то искушения не превзойдут силу вашу; если же Вы удалитесь от Него, то они внезапно нападут на вас, как напали на сонного Самсона в объятиях Далилы.

Почему же так часто и обыкновенно не имеем силы на стезе благолепия?.. Это от неимения веры. Если б наша вера была жива и непоколебима, наша сила, которая на нее опирается, была бы одинакова с

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 45 об. – 47. Эпиграф – неразборчиво.

ней… Все христианские добродетели зависят одна от другой и чудесным законом держатся между собою, как кольца одно цепи. Схватимся железно за одно [кольцо], и одна добродетель поведет нас к другой, и таким образом мы возвысимся к Тому, который есть источник всех их, и там исчерпаем истинную силу в <нрзб.> самого Бога – силу оставаться непоколебимо в добре. От него же мы получим средство достичь к нему и съединиться с Ним в вечности.

Беседы*

Беседа 1-я

Послушайте, православные, что мне хочется вам протолковать, это не сказка, чтоб забавлять ребятишек, нет, а святая истина, то, без чего нельзя обойтиться, жить на этом свете, угодить Богу, быть честным человеком и спасти свою душу: это-то и есть всего важнее для всех нас. Я постараюсь вам рассказать так просто, чтоб вы сами смекнули дело и сами увидели, что здесь говорится для вашего добра. Вот я и начну с того, что вам всем известно и что вы видите перед глазами. У всякого из вас есть изба, потому что был лес, из чего ее срубить, не так ли? Было место, на чем ее построить, и топор, чтоб ее обделать… Это вы все сделали сами, потому что вы люди смышленые, знаете свое дело, что с топором без куска хлеба не будешь, а себе все добудешь. Когда состроите избу, женитесь, заведете хозяйство, будете обработывать землю, чтоб она вас кормила, она ведь родит и хлеба, и овощи. Как русскому мужичку жить без капусты и картофеля. Вот так-то со всем, что ты устроишь, ты и заживешь припеваючи с своей хозяюшкой и детками, если Господь наделил тебя ими. Тебе будет хорошо, не правда ли? Ты все делал, чтоб тебе было довольно, пока ты жив. Но ведь так жить, чтоб только кормиться, человеку не пригодно. Так живут твои лошадки, коровы и овцы, а у тебя ум в голове, и душа в теле, да еще душа

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 50–52 об. (Беседа 1-я), Л. 35–36 об. (Беседа 2-я).

крещеная. Когда ты подумаешь немного, то и придешь к тому, что спросишь, да кто ж мне это все дал?.. Да и все, которые из вас поумнее, разумеется, скажете: Бог дал. Но ведь этого знать мало, надобно узнать, что Бог для нас, когда нас еще и не было, сделал, чего хочет от нас за все свои милости, и как жить христианину, на котором надет крест и который должен отвечать за свою душу и спасти ее для будущей жизни. Если Бог поможет мне вам рассказывать так, чтобы вы меня понимали, то я помаленьку и буду продолжать о делах Божиих, о Его к нам милосердии... А чем ближе узнаем Его, Отца небесного, тем больше будем любить его и будем счастливы здесь, на земле, и там, в Его небесном царстве. Слушайте ж это начало.

Давно, очень давно, может, около семи тысяч лет, как Бог сотворил этот мир. Ничего тогда не было, кроме Бога, а кругом тьма, и все смешано вместе: и вода, и земля, и воздух. Сначала Бог и сотворил свет, небо и землю. И так каждый день Господь творил все, что ты видишь теперь, в чем живешь и чем живешь. Солнце, которое небо освещает, растит деревья и травы и греет; месяц такой светлый, что и в самую темную ночь все увидишь. Звезды ясные, что ваши хрустали дорогие; землю с ее угодьями, лесами, травами, цветами. Что уж вам расписывать про Землю, она вас кормит и всех нас, воды разные с рыбами... В воздухе летают птицы, а в лесах водятся звери. В шесть дней Господь сотворил все это. Увидел, что все хорошо, и создал после всего в шестой же день и человека, вдохнул в него свой дух, вот что мы называем душою. Так человек стал жить, понимать, говорить. Господь поселил его в Рай, в свой сад небесный,

чтоб он жил, радовался и молился Ему… После всех этих шестидневных трудов и дел Бог захотел отдохнуть в седьмой день.

Я теперь остановлюсь на этом месте, чтоб тебе растолковать, как и Господь велел нам по своему примеру делать.

Шесть дней трудись, исправляй свое дело в семье, а все-таки не забывай хоть в <нрзб.> стоять перед образами, перекрестится, и произнести молитву – какую ты знаешь, а уж непременно Отче наш и Богородицу. Заставляй даже ребятишек повторять за тобою, чтоб они знали еще с малых лет, что надо молиться Богу. После того и принимайся за свою работу. Когда ж пройдет твой рабочая неделя, в седьмой день, т.е. в воскресенье, иди в церковь, к обедне. Там слушай все, что читают и поют: читаются в церкви и поются святые слова, которые должны входить в твою душу. Бог невидим для нас, а видит своих рабов и дает им что нужно. Великое дело – храм Божий и обедня. Если же по каким-либо причинам домашним нельзя идти в церковь, то все-таки начинай день молитвой. Если у вас в деревне есть грамотный, попроси, чтоб прочел тебе что-нибудь на пользу души твоей из божественных книг… а после пожалуй к себе и примись за что-нибудь домашнее, в доме всегда найдется какая ни на есть работа, это не грех. Оставаться же, сложив руки, не годится. Того и гляди найдут худые мысли, потянет на худое, если близко и как захочется, что, дескать, делать нечего, а праздник. Вот это-то и есть самое скверное. В кабаке пропьешь деньги, придешь домой шальным, в доме-то будет убыль, а в душе уж больно не ладно. Бог-то приказал в седьмой день – молиться, а не грешить…

Беседа 2-я

Вы знаете теперь, что Бог сотворил мир в шесть дней и человека; в седьмой отдыхал. Я вам говорила, как следует проводить день отдыха. Пойду далее.

Бог сотворил человека из земли по своему подобию, назвав его Адам, и, чтоб он не оставался одним, сотворил ему жену и помощницу Еву, и когда привел ее к нему, то сказал им: населяйте землю, она ваша со всем, что в ней есть. Повелевайте зверями, птицами в воздухе и рыбами в воде – все ваше. Чего ж недоставало им, кажется! Жили в Раю хорошо, не грешили и не знали, что такое грех, потому что и болезни и смерти тогда не было, все звери им повиновались. Плодов всяких множество. Да и может ли быть дурно в Раю, особливо когда <нрзб.> Бога… Когда же Господь теперь все им устроил, в гибельном саду, то он сделал только одно запрещение. Посредине сада росло дерево огромное с плодами. Это плоды хоть и вкусны, может, были, но Господь не приказал вкушать их, сказав им: умрете, если захотите вкусить. Может быть, они бы и не сделали этого, но злодей рода человеческого диавол искусил их. Ему завидно стало, что Бог их любит и что им хорошо было.

Тогда ничего не было, кроме тьмы, все смешано. Вот Бог вначале и сотворил небо и землю, и каждый день творит все, что ты теперь видишь, в чем живешь и чем живешь. Солнце, которое тебя и всех греет, месяц, что тебе светит ночью, землю со всеми угодьями, лесами, и годную <растить> твою рожь, овес и прочее, чтоб ты кормился, зверей, птиц, рыб. В шесть дней Господь своей силой сотворил все это и, наконец, в шестой день человека, вдохнул в него свой дух – и он стал жить, дал ему душу, чтоб он мог по-

нимать, говорить, молиться и радоваться в Раю, в его небесном саду… Вот как было сначала. Когда же Бог увидел, как все хорошо, то в седьмой день отдохнул от своих трудов. Я остановлюсь на этом, ты узнал уж довольно, чтоб понять, что не все же могло само собой сделаться, и изба твоя стоит, потому что ты ее срубил и отделал… За все доброе, что Господь сделал, должен ли ты благодарить Его? Кажется, что так. Благодарить крепко за сделанное и вместе просить, чтоб Он и впредь тебя сохранил. А как же Он будет тебя хранить-то, если ты Его не знаешь, Ему не молишься и ничего Ему угодного не делаешь? Со временем я скажу, как лучше и угодить Ему, а теперь пока ты заметь вот что и помни, это очень важно для тебя: <Бог> после трудов своих, в седьмой день отдохнул. Поэтому самому Господь и нам приказывает в 4-й заповеди. Я после скажу, что значит заповеди. А теперь, по слову, и нам всем приказано: шесть дней трудиться, исправлять свое дело, в семье своей, а в седьмой непременно идти в церковь к обедне. Если ж тебе нельзя, по каким-нибудь крайним надобностям, молись дома, проси Отца небесного, как умеешь, как твое сердце тебе скажет, хоть одно Господи помилуй повтори несколько раз с земли поклонением. Он и то услышит. А после примись за что-нибудь домашнее, все лучше, нежели ничего не делать, или пойти слушать глупые речи, или браниться, или, чего Боже сохрани *в кабак*.

Встречи и разлуки*

Рассказ

Ярко во всех направлениях блестела рассыпчатыми лучами зала благородного собрания. Ослепительно хорошо было первое впечатление для входившего, потому что в этот вечер устроен был базар для благотворительной цели и каждая палатка, имея свой особенный очерк, блик и цвет, придавала хотя что-то странное для первого взгляда целому, но оно было великолепно. Трудно было решить, чему отдать преимущество, чем восхищаться и на чем остановиться: прелестному ли выбору товаров, изящно расположенных, цветам ли, так мило выглядывающим из под различных тканей, живописно раскинутых на палатках, или, наконец, тем живым прелестным созданиям, которые в этот день, забыв свои аристократические права зазывали очень грациозно покупщиков на покупку товаров. Эти три предмета трудно разгадать, они зависят от вкуса, чувств, ума, до какой степени дошло их развитие – предметы закрытые для всякого, задушевные тайны, которые иногда или очень глубоко затаиваются, или слишком резко и явно выказываются. Здесь входили тысячи, а не сотни, мудрено ли, что всякий из посетителей был побуждаем каким-нибудь чувством, может быть даже, иные входили и с целью благотворения. А иные, как знать, и *так*, слово, которое такие имеет различные значения, а иногда, случается,

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 960. Л. 1–11 об.

и то, что пришедший *так* возвращается с выигрышем или с утратою. Я говорю не в материальном отношении. Купить или не купить какую-нибудь модную безделку – ничего не значит в глазах людей, понимающих жизнь внутреннюю, жизнь сердца, в этом только смысле нет мелочей. В моем рассказе две минуты, но в них вместилась почти жизнь и целый мир дивных и мучительных ощущений.

Молодой, прекрасный человек с очерком лица почти азиатским, потому что в нашем севере черные глаза так не блестят, поутру только что прилетевший из Петербурга по железной дороге, попал в этот вечер на базар. Кто-то мимоходом его пригласил, и почему ж не посмотреть, не провести вечер приятно, если это можно. А на базаре обещают много наслаждений, а может, и сдержат. В этом случае, он не обманулся… Все было придумано, и к великопепию наружному присоединялись пленительные звуки известного оркестра. Они стройно переливались в чудных мотивах и переходили от важного до легкого, от крещендо до самого тихого. Правда, что они иногда заглушались говором, громкими зазывами и даже пискливыми голосами детей, которые здесь не менее больших участвовали в деле торга. Они то показывали разные изделья, то предлагали билеты, упрашивая мило посетителей. Но все-таки по временам чудная музыка брала свое: перед ней затихало базарное волнение, и среди этого гула отрадно было погрузиться в мир волшебных звуков, высказывающих так много душе.

Перед одним столом, нагруженным всякими блестящими безделицами, украшенным огромными из французской бронзы канделябрами с цветами, стояли две молодые женщины. Обе прекрасны, но в раз-

ных родах, и по лицу, и по характеру. Первая, повыше ростом, живая брюнетка с розовыми щеками, в платье из белой материи с цветами, между черных волос с лепестками розы. Все вместе было так свежо, так прелестно, что нельзя было не остановиться и не полюбоваться этим олицетворением весны со всей ее роскошью. Она держала фарфоровое блюдечко с билетами на аллегри, и она вся, с ее немного коварной улыбкой в уверении непременного выигрыша, и умилительные просьбы во имя бедных заставляли невольно брать у нее билеты. Когда выходил пустой, она так мило утешала надеждой на будущий выигрыш, что у нее опять непременно пустело блюдечко в пользу бедных… В этом случае легко вкрадется грешная мысль, что бравшие у нее билеты почти не имели в виду бедных, а билеты – это для того, чтоб долее полюбоваться прелестной зазывальщицей.

Другая, стоящая возле нее дама при той же должности зазывать на аллегри, была, как я уже сказала, совершенно в другом роде. Чтоб оценить и уловить ее красоту, которая не ослепляла так при первом взгляде, как ее подруга на тот раз, надобно глубоко чувствовать. Трудно описать эту неуловимую прелесть в выражении всякой черты ее лица: в нем можно было ясно прочитать, но не всякому, сколько тайных сокровищ для любящего сердца под этой эфирной оболочкой. В ее правильных, тонких черт просвечивала какая-то грусть, какая-то робость, и улыбка ее редко была веселая. Для сумеющего разгадать, чем дышали и взор ее, и эта улыбка, впечатление не могло быть минутное, но глубокое. Здесь почти при первом взгляде являлась мысль, как бы сладостно было возбудить в ней чувство, и эта мысль не могла не произвесть самой пламенной любви. <…>

Что ж такое неодушевленная красавица? Глаза и привыкнут, и, наконец, устанут глядеть, а сердце у нее ничего не попросит. Ослепит како молния, а воспоминания не оставит. Костюм ее был какой-то фантастический, не бальный и не похожий на других: темное бархатное платье, а на голове сетка из белых бус легко наброшена была на густую косу.

Когда приезжий молодой человек подошел к этим двум особам, то его остановила первая, со всею грациозностию и наиглупейшей живостью, взять несколько билетов. Отказать было невозможно. Пока он брал, глядя на эти блестящие глаза, слушал, как этот серебряный голос рассыпался живыми речами, он взглянул нечаянно на другую. А та стояла неподвижно, держала в руках блюдечко и никого не приглашала. Какая-то задумчивость осеняла в эту минуту юное чело, об чем она думала, где была, кого ожидала, кто мог это знать? А он взглянул, и в один миг исчезла стоявшая перед ним. Он подошел, и что-то совершилось для обоих. Их взоры встретились, машинально он взял несколько билетов, и глядел на нее, и все глядел. В это время беспрестанно проходили, толкались около них, говорили, шумели. Наконец, он опомнился, подошел к столу торговать разные безделки, и, казалось, что ничто уж не могло отвлечь его от этого места. Тотчас он познакомился с торгующими и уж во весь вечер тут оставался. Когда сердце заговорит, то самые ничтожные разговоры для посторонних слушателей имеют, однако, особенное значение для тех, которые поняли друг друга: все становится занимательным; одно странно, что хотя слова льются потоком, а все еще остается что-то досказать… Мудрено уловить, что здесь происходило, ничего разительного, а между тем для обоих началось что-то не-

постижимое, неразгаданное, мучительное и упоительное. Вечер пролетел стрелою, как говорится, которая еще летит там, где исчезают вся и все, кроме одной и одного. Кажется, что едва ли они узнали имя, фамилию друг друга и свое значение в обществе. Да и на что ж бы оно и понадобилось?.. Здесь их не нужно было представлять, не надо было сказать: «имею честь представить такого-то!» Выиграв в аллегри какую-то безделку, он просил позволения приехать за ней к даме-распорядительнице этого стола. А главное было в том, чтоб получить с позволением надежду ее еще увидеть.

Видите ли вы, как он хорош, какая утонченная изысканность во всякой мелочи его утреннего туалета; как изящны эти пуговки из сердолика, застегивающие из-под сюртука, из самого тонкого голландского полотна рукава, хоть французские перчатки нежного цвета плотно обхватили его руку. Чудной экипаж довез до той дамы, к которой из вежливости надо было приехать за выигранною вещью. Но это был один короткий визит, один предлог, чтобы узнать, где живет хотя вчерашняя только знакомая, но которой нужно было объяснить столько важных вещей, а главное, еще увидеть это задумчивое интересное лицо, узнать – многое узнать! Он подъехал к дому и – без другого доклада послал свою карточку, прося принять его... Беседа была продолжительная, перебирали и важные предметы, и легкие. Они уже разговаривали как старые знакомые! Но почему заводит он речь о браке? Он с жаром говорит, что не женился бы на слишком молодой девице, но на такой, которая бы уже изведала, что такое жизнь, не женился бы и на богаче себя. Почему после длинных рассуждений на эти темы он кончил тем, что ему

надо скорее уехать, далеко, по делам, а возвращение неизвестно.

Когда она у него спросила, почему такая поспешность, или потому, что не ждет ли его семейство? Он отвечал только: «разве я похож на женатого?» И в самой вещи он не был похож на семейного человека по его почти юношескому лицу, по этой еще веселой и откровенной улыбке, в нем было еще столько свежего чувства!..

Уезжая, он просил еще позволения приехать, чтоб проститься.

Но зачем это все, подумала она, когда он уехал… Что это за сцены? Может быть, он и не свободен!.. Какие он мне предлагал загадки? Что ж еще, для чего являться мне, которая в самой весне моей была измучена горькими опытами, в этом прелестном образе то, что так страшно и дивно охватывает все существо. – Зачем эта встреча? Эти мысли заполняли ее душу, туманили голову, а, между тем, взоры молодой женщины не покидали того места, где он сидел. К ее тревожным мыслям присоединилось странное обстоятельство… Еще вчера он поразил ее своим сходством с ее покойным мужем! Да, она много перестрадала… Едва она окончила учиться и была выдана замуж! Она любила мужа, как полюбила молодая девица первого, кто ею займется. Сцены ее жизни так быстро переменялись! Глубокому чувству некогда было разыграться! Жизнь раскинулась важно, сериозно перед молодым воображением, еще мечтавшим только о нарядах, удовольствиях! Через год она была матерью, и еще через год у нее на руках умерли муж и дитя! Вот и вся жизнь. А ей было 22 года! А у нее было сердце, жаждущее любви!.. И с этим целый ряд томных, неприязненных отношений,

и она одна против такого рода столкновений, которые отравляют и опустошают все, чего может ожидать создание, одаренное чувством и прелестной наружностью. Чем более она вспоминала его слова, стараясь их разгадать, тем живее он сам ей представлялся! Он обещал приехать! Или еще что осталось досказать…

Когда занята душа исключительно одним предметом, то никакое занятие не имеет интересу; тогда время, кажется, остановилось, ждет, томится, а, между тем, приближение желанной минуты, от трепетного ожидания, наводит какой-то бессознательный страх. Так проходило время для нее, и внутреннее волнение не утихало, надо ж чем-нибудь рассеяться, поехала прокатиться, это не помогло, хотелось скорее домой возвратиться, как будто легче, не случилось ли что в ее отсутствие, сердце все замирало. Вот и вечер пришел, но ничего нового не принес. Завтрашний день сулит что-то, лучше будет. Так переходило в тревожной ее душе, и она обрадовалась, услышав бой часов – било десять – пора! Только что хотела раздеваться, как вдруг резкий звук колокольчика возвестил посетителя. Это был он – кто ж станет звонить так нетерпеливо?!

Он взошел – его робкий, болезненный вид смутил ее. Он начал с того, что просил извинения, что так поздно приехал, но сбирался и, думая завтра уж выехать, не мог удержаться, чтобы еще раз не увидеть, не поблагодарить за несколько минут самых счастливых его жизни – и проститься.

Все это говорилось отрывисто, перерывалось невольными вздохами, и он не ехал и не прощался! Им так хорошо было. Мало по малу разговор оживлялся и робость исчезала… Как-то странно стали прояв-

ляться в его речах взгляды, которые ложились болезненно на сердце молодой женщины. Он пылко защищал и оправдывал умеющих пользоваться жизнью в молодости... Зачем ее тратить на скуку, когда можно быть счастливым. На эти темы так можно красиво говорить, но это нашепты демона; ему недоступно чистое чувство любви, оно слишком свято. Что это за перемена! Так думала она, молчала, и чем он более оживлялся на эти предметы, тем более слова его обливали льдом ту, которая только что стала расцветать, согретая впечатлением хотя еще неясного чувства любви... Она встала и вместо ответа просила его ехать домой, потому что она нездорова и что уж поздно было! Он уехал, и она терзалась в своих догадках!.. Будет ли развязка, а все вместе непостижимо.

Наступившее утро не прояснило тревожных ее дум, она не могла разгадать, что выйдет из этого нового, нечаянного эпизода. Вчерашняя беседа затемняла упоение присутствия до того, что ей не хотелось бы уж и увидеться! а после того, думала, как не желать узнать развязку всех загадок. Но все эти вопросы, соображения остались не разрешенными и прибавили тревожность, которая ничем не могла утолиться. Чем тут займешься, ничто не пойдет на лад: фортепьяно нестройно, книга глупа, работа, о, эта всего хуже – здесь слишком свободно разыгрываются мысли – а их надо уничтожить, заставить замолчать. Здесь было собрание полное всего, что так в иную минуту безжалостно нападает на душу. И вдруг опять послышался сильный звук колокольчика. Она вздрогнула. Это он, подумала она, лучше бы не так скоро! У нее занялся дух. Но, к счастью, пришли сказать, что не он, а от него... В минуты

сильной работы душевной все изощреннее: и слух и зрение – тайные какие-то проводники сближают расстояние, она почувствовала, что все-таки весть была от него. Он на словах просил позволить приехать проститься и за кольцом, которое он у них оставил нечаянно.

Что за кольцо? Где ж оно? Посланному был один ответ: хорошо. А как же опять не призадуматься об таком новом обстоятельстве? Если нечаянно, а нарочно – это для чего же? Стали искать и в самом деле его нашли на столе, подкатившимся под лампой. Кольцо было золотое, гладкое, без надписи, могло быть и венчальное.

Развязка приближается, подумала она, какова будет, а жаль этого сна, мучительного, но сколько в нем прелестного.

Двойная, лихорадочная жизнь проникает все существо, и в эти минуты душа перейдет через столько разных переходов, и в воображении разыграется столько разных сцен, что их ни уловить, ни описать невозможно, а, между тем, все вместе оставляют раны, которые едва ли совершенно заживают.

К вечеру вообще нервы успокоиваются, и, хотя не совсем, но с угасающим светом раздражение утихает. Она стала спокойнее, но какая-то робость заступила эту душевную тревогу. Вот уж и человек принес в гостиную лампу, покрытую голубым прорезным кружевом, и от нее разлился какой-то таинственный полусвет. Тихо взошла она в комнату, оглядываясь как будто в незнакомом месте. А как она бледна! То идет, то встанет... Ожидание всегда мучительно.

Вот кто-то сильно зазвонил. Кто ж может так сильно звонить, кроме его! Он взошел, и, казалось,

еще более встревожен, чем она, и едва слышным голосом просил извинения в том, что ему показалось, что она оскорбилась тем, что он, может быть, сказал, не помня себя, чтоб не подумала об нем что худое, а напротив того, с его стороны это есть величайшая жертва, но которую он должен принесть… И она так трудна, продолжал он с сильным порывом чувства, что, может быть, вы ее вполне только тогда оцените, когда узнаете все, что еще осталось вам досказать…

Он остановился от того, что голос его перервался.

– Вы так загадочны, – сказала она ему едва слышным голосом.

– Да, это правда! Но сознайтесь, по крайней мере, в том, что надобно много силы и глубокое чувство, чтоб действовать против себя в пользу другого. И надобно в этом случае этого другого любить более себя! не правда ли? Оно несомненно! И… я это сделал… заметить то, что в другое время было бы для меня верх блаженства и клеветать на себя, говорить языком века, который никогда не был в согласии с моим сердцем, чтоб остановить развитие чувства в душе прекрасной, дивной, каких мало в этом мире!.. О!.. не всякий способен, повторю я вам, на такие самоотверженные признания! И если в чем другом, то в этом не прошу извинении я. Вы теперь меня поняли, для чего я хотел вам показаться другим, и возбудить в вас против себя другое чувство!..

Она опустила глаза, душа поняла, но язык ничего не мог выговорить, она все еще слушала и, когда он окончил, едва могла собрать силы, чтоб спросить его: но что же, наконец, это за кольцо и зачем он его оставил?

– Это мое, – и он замолчал, как бы дожидаясь еще одного вопроса и опять сказал:

– Вы не поняли, – сказал он, запинаясь, и опять замолчал.

– Что ж такое, говорите, – прервала она с сильным порывом, и щеки ее запылали. – Что все это такое, я хочу знать…

– Я женат!.. – сказал медленно молодой человек. – Но я вас люблю, как никогда не любил и не могу любить, – выговорив эти слова, он тихо стал перед нею на колени и закрыл лицо руками.

Тяжкий вздох вырвался из груди молодой женщины. Она побледнела, брови ее сдвинулись, в ней, казалось, происходила сильная борьба, как будто она в себе собирала что-то и через несколько минут твердым голосом ему сказала:

– Что ж вы здесь делаете? Поезжайте к вашей жене. Сегодня-то она должна страдать в эту минуту. – Говоря это, голос ее возвышался и делался тверже. – Вы не знаете, как могут страдать женщины, которые любят. Она вас любит. Поезжайте, вам незачем здесь оставаться.

Выговорив это, она перевела дух, встала, оперлась на стул, и казалось, что она не могла бы уж прибавить ни одного слова от внутреннего волнения, которое заметно было по ее необыкновенной бледности.

– Я поеду, если вы так хотите, – отвечал тихо молодой человек, – с одним только условием, еще раз с вами увидеться. Не откажите ради Бога. Завтра вечером приезжайте в маскарад. Не откажите в последней милости и…

Она отвечала: я буду. Он уехал.

Какова развязка! Он вполне открылся. Вот чего она желала и боялась. Все здесь совершилось! Тот только может постичь безотрадное это положение, который мог полюбить страстно. Видеть, признать

в нем глубокое чувство, а между тем, вырвать из души целый мир упоительной взаимности.

Встретить такую утонченность чувства с таким самоотвержением в минуту роковую, где сердце вполне могло узнать и самую пламенную любовь, и то, что надо было навсегда разлучиться. О, это ужасно! Здесь-то перед ней ясно раскрылось, для чего он клеветал на себя, заметив ее влечение к нему. И как же в таком мучительном кризисе справиться скоро с сердцем, которое рвалось к нему?! Как в один миг разорвать то, чему надобно бы было никогда не разрываться?! Утратить в таком дивном образе представление!.. Подписать самый холодный приговор жестокой разлуки и даже без всякого утешения, не сметь просить его помнить ту, которая так дорого заплатила за несколько незабываемых минут! Выразить трудно такое соединение чувств, упоительных и вместе раздирающих душу: можно только дивиться тому, сколько может перестрадать сердце!!!..

Она изнемогла от внутренней борьбы, голова ее опустилась на грудь, она впала в бесчувственность. Но кризис совершился ее победой. Она поднялась и, с твердостью взяв лист бумаги, написала к нему:

Я вас не увижу!.. Поезжайте к вашей жене и будьте счастливы. Возвратите мне мою записку.

Он отвечал несвязно, обещал исполнить приказание, просил извинения…

Когда она получила ответ, долго она его перечитывала, долго остановилась на слове: «*сего дня я буду далеко*». Какая-то непонятная сила приковывала ее к этому столу, перед ней лежала эта записка. Ночь проходила медленно, а она не вставала с этого места, и утро сменило темную ночь и прямо

взглянуло на это бледное лицо, на эти заплаканные глаза.

С этим утром встречи и свидания нельзя было ожидать, а началась

РАЗЛУКА.

15-е февраля
1853.

Отъезд из Петербурга*

Сон на яву

1

Железная дорога есть короткий сон с странным пробуждением: не скоро от него опомнишься. Вчера и сегодня – антиподы: другой мир, другие предметы, другие люди, а, между этим, вчерашнее так и вертится перед вами, не скоро от него отделаешься. Вчерашнее и оставленное всегда мило сердцу. Как не вспомнить того друга, с которым задушевно беседовал, и те приятные обеды в семействе просвещенном, где мы не были чужие, где высказывались свободно мысли не для многих и можно было посмеяться, где иногда встречали новоприезжего с берегов Сены, который сыпал свои остроты, не щадя своего ближнего, без всякой злости и потому только, что француз словоохотлив. Как не вспомнить и наши вечера, где общество оживлялось не картами, не польками, а тем, что облагороживает человека: разговоры, чтение, музыка. Вспомнишь и того, и ту, даже и тех, которые надоедали. Разлука придает красивые колера: может быть, и от того, что часто в существе далекий предмет кажется лучше, подойдешь ближе, куда как не хорошо! А, между тем, и про этих далеких совестно сказать дурное, все равно, как про покойника. Я думаю, что для обоюдной выгоды не худо иногда расставаться. Может быть, и меня кто-нибудь

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 967. Л. 1–6 об.

пожалеет и придаст мне приятный колер, а то ведь, когда часто кто со мной бывает, как не заметить, сколько у меня углов. Да, я знаю, что во мне их довольно, но, несмотря на такое сознание, все-таки не выношу многое и не умею притворяться; скучно – сморщусь, вытяну лицо, глупо – надоедают еще хуже. Как бы выгодно было для меня, если б в разлуке эти мины казались бы от меня приятными улыбками в воображении тех, которые имели несчастие попасть в минуты моего недуха. Очень желаю исправиться, а все-таки не могу отвечать, чтоб и вперед этого не случилось. Какое же странное пробуждение. Надо рассказать, с чем я заснула. Огромный, чудный город, до того оживленный, что можно утвердительно сказать, что пять минут ни днем, ни ночью, все равно, чтоб не было кого на улице: все идут, едут, спешат, едва ли не заодно с докторами. С весною, с вскрытием красавицы сине-волнистой Невы, движение умножается. В это время начинают предпринимать и гоняться за будущими удовольствиями, – зимою наслаждаются настоящими. Прежде всего, займутся переменою одежды с зимней на летнюю, и этот кризис совершится небезболезненно для кармана, особливо и потому, что трудно удержаться от искушения, когда в магазинах являются все блестящие безделки, сумасводительные и на которых, вероятно, строятся тайные планы, имеющие невыразимую прелесть. После Святой весь блестящий мир отправляется гулять в Летний сад, несмотря на то, что деревья еще не убрались по-праздничному, травы не бывали, одне только мраморные статуи как-то грустно посматривают, но принято гулять так в это время для того, чтоб показать изящество дорогих весенних платьев с воланами, с килями из светлых цветов,

держать зонтик в обтянутой перчатке, и, наконец, для того, чтоб показать некоторую нежность к весне. Вскоре после этого гулянья представляется другое – это биржа с ее привозным живым миром пернатых, истомленных собак в клетках, черепахах, едва ползающих. А если б все это заговорило языком нам понятным, уж досталось бы человеку-хищнику. Сколько послышалось бы вопросов, столько же и ответов полились бы на птичьем, собачьем языках. Нельзя угадать, что сказали бы обезьяны: я думаю, что они просто бросились бы в волоса и лицо своих хозяев и любопытных зрителей. «Зачем увезли нас из наших дивных, душистых лесов, – кричали бы попугаи и малютки птички красноголовки и синеголовки, – как нам здесь худо в этих душных, крошечных клетках, где наше лесное раздолье и приволье? Где наше небо, где теплый воздух? Неужели для того привезли только, чтоб глядеть на ваших нарядных дам, которые так равнодушно мимо нас ходят! Да и на что похвала, когда худо жить: нам они не нужны! Мы всегда хвалили Бога, потому что мы всегда были довольны!..» Конечно, они бы так сказали. Растения тоже стали бы жаловаться, и справедливо. Посудите сами, каково из теплой ванны вдруг сесть в холодную. А ведь это их положение. На меня всегда нападает грустное чувство на бирже. Одни раковины меня утешают. Нерукотворный фарфор, с ослепительною яркостью цветов, изделье бездонного моря, как ты великолепен! Жилище бедного маленького животного, кто так убрал тебя?! Я не могу без особенного умиления глядеть на раковины, у меня навертываются слезы благодарности, и тем противнее мне эти толстые привозители всего этого товара. Надо видеть, как они беспечно, а между тем насмешливо

глядят на толпу, ходящую около них. Как они бесстыдно просят огромные суммы даже за этих бедных птичек, уже мертвых, но все еще прекрасных, с их золотистыми и лазоревыми перьями! Я всегда обрадуюсь, когда вижу, кто купит попугая или других птичек; им все лучше будет, просторнее и это уже выигрыш, а то, сердечные, так и бьются носиками об решетки. С биржи можно пойти прогуляться на набережную: там уж дымятся пароходы и готовятся к отъезду; все кипит движением, за два месяца места уже взяты. Здесь следовало бы погрустить об отъезжающих, высказать томительное чувство разлуки, но как-то и душа, и перо отказываются от таких возгласов. Сколько я видела наших русских путешественников, отъезжающих за границу, то они здоровы, едут повеселиться, истратить побольше денег и возвратиться с запасом материй и множество<м> роскошных вещей. Тут одна только жалкая сторона, что более ничего другого не вывезут, да в прибавку иметь удовольствие сказать магические слова: «я была за границей!» Нынешняя же весна оживилась еще новым и торжественным событием, это освящение великолепного Храма Исакия после девяностолетнего строения и ожидания. Храмы Господу не нужны: вся природа, вся вселенная Его храм. Но человеку необходимо иметь такое место, где более ощутительно присутствие Божие, где в таинствах сходит благодать Его и где, несомненно, прольется в скорбную душу всякое утешение, нигде так явно и живо не проникающее, как при слушании Божественной литургии: люди же ни выдумать, ни дать его не могут.

За несколько дней до нашего отъезда мы были на репетиции в Соборе и слышали молитвенный ак-

корд, составленный из 1200 человек, чудно сливались эти голоса в одно целое; так должны бы сливаться в одно и души приходящих в Божий храм. Но вот беда, что суета человеческая везде примешается, все равно, как пыль, от которой никуда не уйдешь. И при этом важном событии сколько родилось хлопот, приготовлений, как и где смотреть церемонию, какие лучше места и прочее: всегда прежде всего материальное, услаждающее взоры, только как зрелище, а ведь надо же посмотреть! А там что? – Забыть!..

<2>

Итак, мы под этой кипящею суетою разговоров, предположений и сборов делали свое дело, укладывались, прощались и, наконец, отправились. Ожидая громогласного сигнала к отъезду, мы имели удовольствие увидеть еще двух-трех приятелей. Вот уж мы поместились в вагон, третий колокольчик ударяет, и стоящие решетки уж ускользают от нас так быстро, что я в эту минуту, как мы двинулись, увидела мельком еще милое лицо Князя и что ОН перекрестил нас! Благодарю, добрый друг наш!.. Эта минута всегда грустна!.. Хорошо, что и город со всей его суетою тоже исчезает и вас тотчас охватывает свежий воздух, вы видите траву, деревья, все так зелено, ароматно, и вот уже первая отрадная минута, кажется, что вы освободились из чего-то очень тяжелого. Но что ж с вами сделалось, не прошло и суток, а все переменилось. Где вы? что с вами?.. Мы сидим на станции, где никого нет!.. Солдат, пустая комната, вот и чай подают, он очень вкусен, вы освежились, а все-таки мелькают в голове и глухой переулок, где мы жили, посещения, магазины, вчерашняя беседа у

двоюродного брата, где мы пили чай, ели апельсины, рассматривали альбомы Брюллова и Кипренского, вот и Римский монах, и Итальники с четками! Где это все?! Сцена совсем переменилась. Является безобразный, беспокойный тарантас и уж мы, помещиками, с узелками, собаками, тащимся на худых лошадях к себе. Если б не сильный ветер вспоминал нам Петербург, то как будто мы не оттуда. Просто сон!.. Наконец, приезжаем в свой дедовский замок; собаки залаяли, все выбежало навстречу. Конечно, первое требование было живительного чая, потому что мы порядочно продрогли. После того побежали по всем горницам, повидаться хотя с неодушевленными предметами, но имеющими свой интерес и по давности их существования, и по воспоминаниям. Поклонились портретам своих предков, и понемногу началась в доме деятельность новой жизни! Вот какой сон совершился в течение суток. Для противуположности и живых предметов окончу маленькой сценой из деревенского быта. После обеда пришла повидаться со мною бедная старушка, проживающая у нас на погосте. Я делаю всегда обыкновенный вопрос: «Как вы поживаете?» – потому что ответ может быть и откровенный, если захотят, и можно отвечать общими местами.

– Очень хорошо, матушка, благодаря Бога, хлебца еще у меня есть, вот уже пятый год после братца две гряды, одна с луком, другая с картофелем.

– А что ж зимой-то вы делаете, ведь вам скучно.

– Отчего же? То печку вытоплю, да себе изготовлю похлебку, а после попряду да опять по домашним делам побреду за щепками, а там опять за прялку!

Слушая эти слова и видя спокойное лицо старушки, ее более чем простую одежду и помня еще

свет Петербурга со всем тем, как живут многие и как живется, многое пришло мне на мысли! Где ж счастье? Что оно? И как и где его найти?

В том ли оно, когда модная барыня тратит тысячи на кружево, материи, на все, что минутно ее пленит или польстит во тщеславие?

Там ли, куда едут, чтоб посмотреть бессмысленно, мимоходом или гениальные произведения, или вековые памятники отживших народов, чтоб после сказать: «Я была там, я видела то?

Там ли оно, где в золотых чертогах сидеть, зевая, между цветов и всех выдумок роскоши, всегда толкуя о мелочах.

У того ли, пред кабинетом которого толпится множество людей в ожидании его милостивого взгляда?

Нашел ли его артист, после рукоплесканий толпы, которая или бессмысленно хлопает, или пропускает самые лучшие места его игры?

Я не говорю о поэтах, для них слишком много горького здесь, чтоб они и пытались найти счастье, часто и лавровый венок обвит тернием.

Где ж оно?

Или нашла его бедная старушка у своей прялки?

Кузнецово
4-е июня
1858

О воспитательницах*

Прочитав в «Отечественных записках», какою изображена и какие в текущее время существуют *няни*, кто не убедится о пользе учреждения учебного заведения для нянюшек и мамушек. Какое легкое средство быть благотворительницей соотечественного поколения! О, родина святая! какое сердце не дрожит, тебя благословляя.

«Няне поручена была я со дня моего рождения, во время болезни маминьки и после кончины ее няня была ангелом-хранителем, нашей наставницей, пестуньею. Одно слово няни останавливало наш детский плач, капризы, шалости. Она была настоящим неистощимым кладезем сказок, басен и небылиц, историй и бывальщин всякого рода! Какой дивный мир представлялся моему воображению, настроенному к чудесному! Незнакомая с миром вещественным, я уже знала мир невещественный, созданный предрассудками, невежеством и праздным воображением. Я уверена, что одни рассказы няни образовали мой характер романтическим, сделали меня мечтательною, чувствительною, *слабонервною*... Чего-чего не заставляла перечувствовать няня своими рассказами, от которых я сначала так сладко засыпала в колыбелях и от которых потом не спала целые ночи на детской кроватке своей... Этот ковер-самолет, на котором я пролетала за тридевять зе-

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1022. Л. 10–11 об.

мель в тридесятые царства, эта шапка-невидимка, которая переносила меня за стальные стены околдованных замков, где злой волшебник держал взаперти прекрасную королевну, эти яблони с золотыми яблочками, и этот страшный змей-горыныч, и эти колдуны, эти ведьмы в ступах и с метлами, при воспоминании о которых я вздрагивала и *вскрикивала во сне*, – все это увлекло меня в пределы, недоступные рассудку, все это, *к ущербу его*, развивало мое воображение… С ее понятиями, конечно грубыми, но которые облагороживало беспредельное чувство любви, часто доходившее до самоотвержения, соединялось теплое религиозное чувство и страх Божий. Ее религия была слепою верою, без рассуждений, без сомнения, какой отличается народ наш… Воспитание наше не должно казаться странным, если вспомнить, как недалеко отошло от нас то время, когда подобное *детское* воспитание было почти общим на всей Руси». Кажется, и ныне немного обращают внимания на выбор нянюшек, а если бы и желали выбрать, то где бы, в каком благотворительном, общеполезном, воспитательном заведении нашли бы благонадежных, образованных нянюшек и мамушек!

«Счастлив, кто вынес (из описанного воспитания) доброе сердце и теплое верование, но, Боже! сколько вековых слабостей захватили мы с ним, сколько грубых предрассудков и какие невежественные понятия…»

<Ответ критикам>*

Мысли и замечания при чтении
(в апрельской книге «Современника»
и «С.-Петербургских ведомостей»
от 21 апреля № 85)
двух критических *статей* на мою повесть,
под заглавием «Графиня Полина»

С некоторого времени в некоторых журналах, присвоивших себе право суда и расправы, стали появляться (под названием критических обзоров) статьи, в которых неизвестные люди, утаив имена свои, играют именами известных писателей – судят, рядят и, осудив своим самосудом, печатают приговоры свои во всепрочтение всей читающей России. – Каждому из этих *невидимок* (безыменных) *критиков* можно бы сказать:

«Кто тя поставил судьею над нами?!»

Но пусть бы осуждали сочинения, пусть бы и на белом отыскивали черные точки, пусть бы выставляли опечатки, обмолвки, *ошибки грамматические*, погрешности против состава речи, здравой логики и тому подобное! – Совсем не то! – Они берут в руки *сочинение* только для вида, а все свои виды, намеки, остроты и колкие иносказания обращают прямо на сочинителя. Личность преследует лица, безымянность позорит имена!!

В этом-то именно смысле вышли недавно две статьи с критикой против изданной мною повести «Графиня Полина».

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 961.

Прочтя эти обе критики, я не могу не сказать об них своего слова. Начну с первой – апрельской книги Современника (библиография, стр. 62-я).

Я называю *критикою*, более из литературной учтивости, статью, против меня написанную. В самом же деле, как потому, что она никем не подписана, так и по содержанию и тону своему, она иначе не может быть названа, как безымянным пасквилем.

Читая эту странную печатную выходку, я переходила от удивления к удивлению. Да как и не удивиться правам и вольностям которые присвоил себе безымянный рецензент?!.. Он высказывает то, чего у меня не сказано; выписывает то, чего я не писала; прибавляет, убавляет, переиначивает и все это *по своим* каким-то мыслям, может быть, и замыслам, минуя всякую правду и логику.

Что же, собственно, составляет эту статью, восставшую против моей книги? Рассмотрим ее составные части.

Она состоит, во-первых: из того, *что до книги вовсе не касается;* во-вторых: из того, *чего в книге нет*; более, из каких-то мимолетных, скороговорочных, бегло высказанных и никогда недосказанных заключений рецензента. А потом из прямых и косвенных *намеков,* не имеющих, как говорится, ни хвоста, ни головы, а только одно жало. Вот химический (если так можно выразиться) состав всей статьи, в которой рецензент с самого начала оставляет свой предмет, – мою книгу, – и говорит о постороннем лице – С.Н. Глинке. – Есть у нас указ Петра 1-го «*Дела с делом не мешать!*» То же говорит и здравый рассудок. Но есть, как видно, люди, которым указ не в указ и рассудок не судья! Для них и закон не писан!

Не знаю, почему Рецензент всячески усиливается сблизить мое имя с именем родственника моего С.Н. Глинки, который писал много, но не писал повестей. Но как память этого почтенного человека затронута, то и считаю обязанностию показать его значение как человека замечательного и патриота пламенного. Взглянем на него в разные эпохи его жизни.

Сергея Николаевича Глинку, как *умного малютку*, ласкала сама Великая Екатерина своею державною рукою, удостоив посещением своим (на пути чрез Смоленскую губернию) семейства Николая Глинки. Тут же повелела государыня принять малолетнего Сергея в 1-й Кадетский корпус. – В другую эпоху – в историческом XII-м году, – Александр 1-й наградил *издателя Русского вестника* орденом св. Владимира и рескриптом с следующими словами: «За любовь вашу, доказанную делами и сочинениями (заметьте и сочинениями!) вашими!»

В частной жизни Сергей Николаевич известен был необыкновенною (по нынешнему, *эксинтрическою*) любовью к бедным. Часто, раздав все деньги, возвращался он домой без карманного и шейного платка, отдав тот и другой встречным беднякам! —

Вот кто был Сергей Николаевич! – А кто ж не знал его в Москве? Зато в роковой день занятия Москвы толпы ходили за ним, как за своим вожатым, и Растопчин* сказал ему: «Идите на переговоры, вас там знают и ждут!» –

Вот кто был Сергей Николаевич, *первый ратник Московского ополчения*, 20 лет возвещавший России

---

* Ростопчин Ф.В. (1763–1826) – генерал-губернатор Москвы во время нашествия Наполеона, редактор «Русского вестника».

(Русским вестником) все честное, благородное, чисто Русское и всегда нравственное и благочестивое! —

За что ж будить его, уже опочившего; возмущать намеками прах усопшего?!.. И язычники не решались делать подобного: «О мертвых говорили они: или молчать, или говорить хорошее». Но уста говорливых критиков, видно, не могут говорить хорошего, так могут же помолчать! – За что ж, скрывая свое собственное имя, играть именами живых и костями усопших?..

Я увлеклась участием к человеку, которого память достойна уважения, и забыла начать с начала, сделаем это теперь. –

Критик начинает свою пародию моей книги, каким-то *думаньем*. Он говорит: «мы думали… » Зачем же думали? Короче было *справиться*. И кто ж такие «*мы*»? – Множественное местоимение выступает здесь представителем *многих имен*. Сколько ж их собралось и таится в их заносчивом «*мы!*» – Может быть, их там целый легион!.. «Мы *думали*, – говорит критик, – что почтенная писательница *покинула перо* и *вдруг написала повесть*».

Нет, г. критик! пера я не покидала! – После переводов из Шиллера я написала «Жизнь Богородицы», которая печатается уже четвертым изданием. Напечатала и биографию Екатерины Владимировны Новосильцевой, урожденной граф. Орловой, издала простонародную повесть, которую С.-Петербургский Совет детских приютов, отношением своим за № 362 вполне одобрил и признал достойною к принятию в число приветственных руководств для своих заведений. Но тут, кажется, сколько я помню, С.-Петербургские ведомости не сошлись с мнением са-

новных членов Совета. Были еще напечатаны: моя повесть «Только три недели», рассказ «Давнишняя знакомая», дневник в Павловске. Сверх того передала журналам много мелких стихотворений и переводов баллады Шиллера «Бой с драконом». – Следовательно, я пера не оставляла! Напротив, имею честь объявить моим безымянным судьям, что, кроме отданного в печать, я написала роман и целый ряд повестей, из которых две уже изданы в свет!

Но, скажите пожалуйста, если б я и ничего не писала, ничего не печатала, кому какое до того дело и кому должна я отдавать отчет? Можно ли обстоятельства жизни вписывать в заготовленную раму и застраховывать свое время? – Кто возьмет выкроить свою жизнь так, чтоб в нее не входили болезни, путешествия, перемена мест и мало ли еще какие случайности? Поле литературное безгранично: всякой может по нем разгуливать и остановится, где и когда ему придется. Рубан написал восемь стихов, которые дошли до нас и останутся; а дойдут ли до потомства и целые томы, написанные на заказ, особливо, если не найдется в них ни современной правды, ни добросовестности – для всех времен драгоценной? –

Не понимаю, о каких *преданиях прошлого золотого века* говорит критик?

Если это век Державина, Карамзина, Жуковского и Батюшкова, то и я скажу, что это был *золотой век* и готова оставаться ему навсегда верною, как верна и преданна всему истинному, высокому и прекрасному. Для Гомера, Шекспира и других гениев нет ни прошлых, ни настоящих веков. Века, украшенные их именами, бессмертны их бессмертием. –

Спрашиваю: что значит, по разумению рецензента, *палитра моего родственника*, о котором я уже высказала выше? – Едва ли не наверное можно сказать, что рецензента еще не было на свете, когда родственник мой (Сергей Николаевич Глинка) растирал на своей палитре патриотические краски, и такие яркие, что те бросались в глаза иностранным соглядатаям и Коленкур* нарочно потом требовал приостановить журнал, слишком действовавший на патриотизм соотечественников.

Спрашиваю еще у критика: кому я поверяла свою тайну «*показать нынешним людям, как писать*?» Это его слова и они ровно ничего не доказывают! –

Кого и где я учила? Да и захочу ли еще это сделать?

Пишу я с самой молодости, почти с детства, всегда писала, что чувствовала, как понимала, может быть, и ошибалась; но никогда не имела претензий учить! И легко ли это? – Ученого не переучишь, а неучи переиначивают и самую науку по-своему! У нас теперь и много женщин начали писать, почему ж мне одной приписать *желание учить*?

А почему бы и не поценить, что женщина пишет по-русски? Тем более, что женщина благородная, хорошо воспитанная и религиозная, конечно, не напишет ничего безнравственного, ничего вредного? В образованных краях Европы давно уже утверди-

---

* Имеется в виду Арман де Коленкур (1773-1827), к мнению которого прислушивался Александр I. Коленкур был в России в составе Наполеоновской армии, в 1813–1814 гг. – министр иностранных дел Франции.

лось мнение, что истинное образование должна начать женщина, она только может положить в душу своего ребенка благотворные семена всего прекрасного, сколько у французов на этот предмет превосходных сочинений, в которых вполне понятно значение женщины и влияние ее на воспитание и общество. Уважение к женщинам есть признак образованного человека, и человек, выражающийся грубо и невежливо перед женщиной, невольно заставляет сказать: видно, мать его не сумела вселить в душу его ничего благородного! –

Приступаю теперь к самому важному, где страдает истина.

Критик представляет весь рассказ моей повести совершенно в превратном виде и даже помещает, как я уже сказала, по одному своему произволу, обстоятельства, которых вовсе у меня нет!.. Критик рассказывает: будто бы жених пишет к отцу невесты: «*приезжайте ко мне в деревню, я готов жениться на вашей дочери*».

Не понимаю, как сумели, в столь немногих словах, вместить столько неправды?! Желая поражать чье-либо сочинение, надобно ж хоть прочесть его порядочно! Повесть моя рассказывает дело совсем иначе.

Полина поехала прежде одна и не к жениху (у меня и помина нет о женихе), она поехала к княгине, престарелой, почтенной даме, к давнему другу ее отца и покойной ее матери. Что ж тут неприличного? К Гресеру также пишет не жених (и слова *жених* нет в моей повести), а пишет сама княгиня и зовет старого друга своего к себе в деревню – ничего более!

Какими же глазами, сквозь какие очки смотрел критик? – Не знаю!! –

Не только князь, и смышленый крестьянский парень не дозволит себе поступить так неприлично с отцом еще *не нареченной* своей невесты! Откуда ж это все взялось? – Как назвать такие *выходки*? <…> И не мудрено: потому что и у критика нет имени! –

Критик не стыдится еще сказать, что Полина «*делает смотр сидельцам*».

Где ж это у меня?! Поищите, добросовестные читатели!! Я всегда старалась избегать пошлых выражений: потому, что писала для общества, в котором неприличны площадные выражения.

Полина просто поехала из любопытства, может быть, из каприза, взглянуть, не встретит ли человека, о котором ей толковали! Что ж, может быть странного и неприличного пройтись по комнатам Магазина русских изделий, взглянуть на вещи и на лица и уехать домой? Но критик желает выискать в сочинении то, чего не доищется в нем и сама сочинительница. –

Слово *казистее* тоже подпало под суд.

Живя долго в Москве, где народ, кажется, хорошо говорит по-русски, я не один раз слыхала это выражение у купцов, выхваляющих свой товар и заставила купца же употребить это слово. Что ж тут неприличного?

Слово же казистее (т.е. показистее) настоящее Русское!..

Чем далее читаю, тем более удивляюсь. Критик останавливается на выражении: «*синеватые круги около глаз*».

Да тут ничего нет необыкновенного! Стоит молодой прекрасной девице затанцеваться на бале, не доспать урочных часов и *синие круги* явятся на нежном личике, как признак усталости.

Впрочем, если это выражение (не знаю почему?..) не понравилось критику, то я утешаю себя тем, что вовсе неожиданно встретилась на выражении с... Ламартином, который, кажется, признан всеми за щеголеватость своего слога! <...> Если ж Ламартин не боится так выражаться, так мне и подавно можно! –

К чему ж тут придираться?!

Ваш неверный глаз, г. критик, как вижу из слов или намеков ваших, подсмотрел в моей повести что-то будто *двусмысленное*; но перо ваше не высказало, *чтó именно*! – Что ж бы это такое, чего ни одно *чистое око,* конечно, не увидит в моей книге? Нет, г. безымянный! приписывая сочинению то, чего в нем не написано, вы оскорбляете нравственное достоинство самой сочинительницы! —

По роду и воспитанию моему я не способна, сударь! ни к мыслям, ни к словам, за которыми таились бы двусмысленности! На стенах моей гостиной висят портреты двух Российских фельдмаршалов, которых я внучка – «Noblesse oblige!»* был их девиз, и я взяла его себе по наследству. Прабабка моя, по матери, была сестра невесты Петра II-го, а мой отец почтен был званием сенатора и попечителем Московского университета. В родительском доме я окружена была наукою (отец мой сам писал на пяти языках) и людьми *недвусмысленными*. Откуда ж могло

---

* «Благородное (дворянское) происхождение обязывает».

зайти мне в мысли, что вызвало намек и подозрение ваше?

Критик продолжает фантазировать и пишет: «*что и сидельцы мелочных лавочек не говорят так неправильно, как Полина, и так неучтиво, как Мирский!*» – этому пункту не берусь оправдываться: потому что, признаться, я никогда не имела ни досуга, ни расположения входить в беседы с сидельцами мелочных лавочек!! А я спрашиваю, можно ли взять пример учтивости с самого г. критика?

В каком месте, покажите, г. критик! я запрещаю девицам носить *Шу**? Где вычитали вы это? Я сказала о детях, что их маленькие головки слишком обременяют множеством лент, а это замечание, я вам скажу, понравилось многим благоразумным матерям. Определить же моды, носить то или другое есть дело, я думаю, модных торговок и произвола публики. А если кому какая мода и нравится, о том всякой говорить имеет право! –

Критик сказал также, что я запрещаю употреблять слово «шик!» Да как же я возьму на себя право на запрещения такого рода?!

Сказанное мною о слове «шик» даже не мое. Я передала только слова французского журнала, в ко-

---

* Шу (от франц. *Chou* – капуста) – устаревший термин, название пышного, круглого банта из разноцветных лент или кружев, напоминающего кочан капусты. Шу были популярны в Европе, в том числе в России, во второй половине XIX в. Такие банты крепили на шляпки, платья (юбки, рукава, воротнички), прически.

тором смеются над дамами, повторяющими часто слово «шик!» по незнанию, что это выражение принято за техническое только в живописи. Я услышала повторение этого слова у моих соотечественниц и, чтоб остеречь их, – это правда, сделала выписку из французского журнала. Вот и все! Можно ли назвать это запрещением?!

Странно, что в критике на каждом слове не то, что в книге! Чего ж это за критика?! Дамы приезжают на чтение с «*пяльцами»*. Это говорит критик; а книга моя отвечает ему: «У меня и помина нет о *пяльцах*, нет и слова пяльцы!!» – Кому верить?!

Г. критик хочет выставить свое глубокое знание в светских приличиях и удивляется, что Лиза живет одна с англичанкой. Он непременно желал, чтоб она жила с родственниками. Я же написала это для того, чтоб не вводить в повесть подставных дядей и опекунов – лиц не необходимых для рассказа и повести, так как вовсе нельзя считать необходимым, чтоб девица благородная известных лет, имея собственный достаток, жила непременно при тетушке или держала у себя какую-нибудь другую родственницу. – Сколько ж есть девиц, высшего образования, которые имеют свои домы, свое собственное хозяйство, принимают у себя лучшее общество и сами приняты в нем как нельзя лучше!

Мой критик, так зорко следящий за каждым моим словом, находит, что я неправильно выразилась, сказав «изделье» без прилагательного.

Отвечаю: если б я была совершенная невежда и вовсе не умела писать, то и тут, проезжая часто по

Невскому проспекту, я сумела бы прочесть и потом написать: «[Магазин] Мануфактурных Русских изделий». Но дамы наши никогда не выговаривают так длинно, а говорят короче: «Я была в Изделье, поедемте в Изделье?», и все это понимают. Мало ли что как пишется, а я написала, как говорится: потому что у меня в повести язык *разговорный*.

Беспрестанные обмолвки ли, или я уж и не знаю, как их назвать! Критик опять заставляет князя говорить то, чего он никогда не мог сказать.

«*Здесь*, говорит князь, – это по словам критика, – очень многие подурнели, оттого, что оказали избыток в нарядах».

Мог ли он выговорить слово «*здесь*» и тем прямо указать на особ, с которыми находился? Князь у меня человек образованный, а в нашем образованном обществе так не говорится и не делается! Там и неприятность умеют облечь в форму учтивую. У меня князь говорит, что, по приезде в Петербург, ему показалось, что многие женщины подурнели. Петербург велик, и слова князя не могли относиться к обществу, в котором он находился, а потому и никак нельзя приписать ему неуменье жить и вести себя с порядочными людьми в знатном доме.

В обществах, где я бываю, молодые образованные люди и дамы говорят и о политике, и о нравственной философии. Что ж тут могло затронуть рецензента?! У нас и дамы читают журналы, следят за литературою и рассуждают. Надобно быть вовсе невходимым в гостиные порядочных обществ, чтоб не знать этого!

Мне грустно стало за г. критика и за его *слабые нервы*, не дозволившие его *дочитать* моей повести. Он, бедный, должен быть болен! *Раздушенная* бальная зала не впустила его в себя. Конечно, есть люди, которые запинаются на пороге, входя в ярко освещенные залы и видя перед собою избранное общество! Люди ли, праздничный ли вид залы или *раздушенный* воздух противны их нервам? Как знать?! – Есть, пожалуй, и такие, на которых нападает страх, когда они заслышат запах ладана, которым делается дурно и в церкви! – К которому из этих разрядов принадлежит мой безымянный критик? – Об этом уж его дело знать! –

Таким странным признанием в *слабости нерв* окончилась критика. И я рада, что мои нервы (слава Богу) дозволили мне прочесть, и очень хладнокровно, и нисколько не раздражиться от страшной раздражительности рецензента.

Оканчивая эти строки, я полагала, что уж все кончила. Но вдруг открылись *новые* на меня литературные нападки, и я невольно вспомнила когда-то слышанный мною рассказ очень умного молодого человека, отправлявшего где-то ремесло сотрудника по какому-то повременному изданию. Я помню, он говорил мне с жаром благородного негодования:

«Вы не должны удивляться (в критиках некоторых журналов) никаким дерзким *сближениям* предметов *ни по чему не близких*; никаким насильственным сведениям в одно место *имен*, которым неловко, душно и ни по чему не прилично быть вместе! – Не должны вы удивляться никаким наглым ухваткам, пошлым уверткам и странной самодельной логике! – Я знаю это потому, что сам некогда

принадлежал к сословию жрецов Ваала и обязан был заколоть множество невинных жертв, – разумеется, концом пера, почти всегда напитанного желчью. Бывало, *старшой* скажет мне: “Ты! Извольте обругать такую-то книгу, – такое или такое стихотворение!” “Слушаю-с!” – бывало ответом на приказание. Но возьмешь книгу, – книга хороша; прочтешь стихотворение, – захочется прочесть в другой раз. Ну, что ж тут ругать?! А ругать надобно.

Вот и пойдешь издалека говорить околесицу, распустишь турусы на колесах, вырвешь клочок из книги, стишок из пьесы и пустишься трунить, острить, подсмеивать, пересыпая все, наудачу, *запасными словами*: “тут нет ровно ничего: ни действия, ни характеров, ни интриги: все слабо, бледно, бесцветно и так далее”. Так-то мы пестрим!.. Но чаще всего (это бывала любимая наша уловка!) мы берем книгу в правую, книгу в левую руку – а книги, по содержанию, далеки одна от другой, как Москва от Якутска. Им, бедным, странно, тесно быть вместе <…> Но корифеи наши берут все на силу, гнут посвоему. – Тут часто (и это в литературе!) повторяется балаганный фокус: *серебряная* монета в одной руке, *медная* в другой. Их до тех пор перекидывают с руки на руку, пока у зрителей зарябит в глазах, и уж не распознаешь, что медь, что серебро!.. Таким образом, досталось мне раз в передел *ода* содержания высокого, почти духовного. “*Унизить ее*!” закричал наш распорядитель. Я отказался, другой, более бойкий, взялся. Он поставил оду наряду с кабачною песнею и, говоря наперебой то о ней, то о другой, спутал все понятия, кончил скороговоркою. – Мне, наконец (сказал мой собеседник), – стало тошно от таких заказных проделок, и я, прочтя

про себя начало первого Псалма, откланялся своим товарищам». –

Вспомнив об этом рассказе, я подумала: «Не стоит отвечать на выходку (в № 88 апреля 21-го С.-Петербургских Ведомостей): она так не опрятна, что до нее и дотронуться нельзя *без перчаток,* и так недобросовестна, что и сам ее производитель посовестился подписать под нею свое имя!»

Апреля 24-го
1856
Авдотья Глинка,
урожденная Голенищева-Кутузова

Праздник в сельце Ивановском*

13-го октября 1850 года

в день рождения
графа Арсения Андреевича Закревского

Пролог:

Действующие лица:

Панфил, староста сельца Ивановского – М.А. Писарев

Василиса, жена его – Е.Н. Мерлина

Адам Адамыч, немец, фабричный мастер – кн. М.Б. Черкасский

Староста степных деревень – О.П. Корнилов

Анюта, дочь его – кн. П.П. Вяземская

Вася, жених Анюты – кн. Г.Н. Вяземский

Крестьянки – кн. В.А. Черкасская
Н.К. Аверкиева
Н.А. Пономарева
Е.П. Мацнева
О.А. Писарева
Е.К. Сафонова
Н.К. Сафонова
С.К. Сафонова

Крестьяне – кн. И.А. Урусов
кн. А.Д. Абамелих
гр. Н.В. Орлов-Денисов
А.А. Аверкиев

---

* Печатается по рукописи: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 961. Л. 2–11 об.

А.К. Гессе
Е.В. Дурново
Е.А. Писарев
Крестьянские мальчики – П. Манцев
кн. Б. Черкасский
М. Манцев
Финляндцы – О.И. Губерг
С.А. Ермолов

Действие происходит в избе Панфила. Три крестьянские мальчика завтракают. Входит Василиса.

Василиса
Ну что, детушки, позавтракали?
1-й мальчик
Позавтракали, бабушка.
2-й мальчик
Спасибо, родная.

Встают из-за стола. Входит Панфил.

Панфил
Знашь-ли, Вася, приехал сын Левона из степной Графской.
Василиса
Зачем его Бог принес, дальнее место, с какой вестью?..
Панфил
А Господь знает: вишь, сказывал, что и отец его едет, и мастер-немец Адам Адамыч, и еще много их… А смекаешь, старуха?
Василиса
И ничуть родимой!

Панфил

Он там отпрягает лошадь, только и успел сказать: к вам гости едут.

Ну, зачем эта ватага,
К нам валит степной народ!
У меня вся вышла брага
И хлопот-то полон рот!..

Уж не ссоры ли какия,
Только гнев, а пользы нет;
Ох, уж эти нам степные
Так и жди тревог да бед.

Василиса

У тебя, вишь, все беды, может статься, и погулять аль помолиться угодникам Московским да Сергию…

Панфил

Хорошо, кабы твоими устами да мед пить. А не худо бы тебе и об пирогах-то подумать. Слышь-ты, много их!..

Василиса

Вот что выдумал… А если с худыми вестями да чтоб нашего батюшку графа прогневить, не хочу и угащивать…

Панфил

Не разумно, старый ты человек… Все-таки по русскому обычаю прогрей, накорми да ласковое слово скажи. Так водилось встарь, и мы не отстанем.

Русской люд, так встарь ведется,
Любит угощать:
Что от Бога нам дается,
Надо ж разделять!..
Слышь-ты, Царь наш, наши бары,
Граф наш все на этот лад,

Зато полны их анбары,
Бог уж дал такой им клад!

Василиса

А молодая-то графиня, наше солнышко ненаглядное, вот уж подлинно добрая душа. Летось, помнишь, как, сердечная, здесь гостила, кума Анисья почасту хаживала к ней на поклон, и никогда, бывало, с пустыми руками не вернется. А как уезжала-то она, моя голубушка, созвала весь народ и всех оделила подарками, ни одного малого ребенка не забыла.

Панфил

Вишь-ты, и мы за ними живем припеваючи. Небось, и ты, и дочка срядитесь, так что на́ поди и городския. Однако ж надо узнать, пойду за Васей, а ты все-таки припаси, чтоб его-то накормить… Не холодно ли здесь?

Василиса

Нет, кажись, у нас тепло.

Панфил уходит.

Василиса одна.

А ведь Панфил-то прав. Ведь вот как деется-то, живешь себе, оделяешь и нищую братию, а нужды и не видали. Слыхала я тож, с графскова двора приходят к нам барския барочки, так вот что баят, что наши русские-то господа и в немечине-то заморской так живут, что им дивуются, и там хлеб-соль свою водят русскую… Около наших-то ихние-то вот и увиваются, чтобы поживиться. И народ-то их, знать, валит к нам наживаться, на наши харчи. Вот и Адам Адамыч, кажись, человек себе порядочный, за ним нет никакова художества худова… а денежки-то наши берет себе… Вишь, забол-

талась, а сердце так ноет али чует что. Вот и Панфил с Васей.

Панфил, Вася, Василиса.

Панфил

Ну, Василиса! Все что в печи – на стол мечи… Отлегло, родимая!.. Ай да народ Божий, рады гостям… Смекаешь-ли, зачем люд-то степной навалил?

Василиса

И ума не приложу, кормилец… Да дай поздороваться-то с Васей. Здравствуй, голубчик-красавец, как вы живете, все ли подобру да поздорову?

Вася

Мы живем в степи привольной
И богат наш край:
Всякий сыт, всего довольно
Нам за графом – рай!

А ему за то, что верно
Пред царем служил,
Суд держал свой равномерно:
Правды век дружил,

Место светлое в боярской
Думе и почет,
Взыскан милостью он царской,
Чтит его народ!..

Панфил

Ай, брат! Какой ты мастерище петь… Да кто это тебя так выучил?

Вася, улыбаясь

Один барин добрый, наш сусед, поучил… Да знашь-ли, Терентьич, и счастье-то пришло за песню.

Василиса

Расскажи-ка, Вася, как это приключилось, пока ваши подъедут, что у Вас там такое затеяно.

Вася

Изволь, тетушка! Наши остались верст за 5, вишь, больно лошади пристали, так меня вперед и турнули… Вишь-ты, у нашего старосты дочь Анюта, сроду не видывал такой писаной красавицы, что твое яблочка наливное. Я у своего бачки жил в разъездах, гонял его тройку. Часто у них останавливался, накормить лошадок и себя. Ну, грех такой, приглянулась мне красная и забилось ретивое. Кажись, и я ей… Что ж, и просил я бачку-то посвататься. Куда-ты, и занес: Нет-ста, у меня не Ваське чета будет суженой, можа, и приказной, аль причетник! Не радость отцу свое детище отдать за Ваську-ямщика! Не для того я холил ее! Запретил и видаться, и на двор меня не пускал… Ну, неча греха таить; все-таки видались в посиделках аль в хороводах. Бывало, как уж крепко за сердце хватит кручина, пущу во весь дух мимо их тройку, зальюсь песнями, а прокачу слезами. Да и была тут. А приедешь с работы, бродишь, как хмельной, около их двора. Подметил мою зазнобу барин, расспросил, да и обещал порадеть у бачки Анюты, и прибавил: постой, я выучу тебя песню, не разжалобится ли ваш староста! Выучи, барин, да и повалился ему в ноги. Вот она, хотите, спою:

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудёт уныло под дугой…

Ямщик лихой, он встал сполночи,
Ему сгрустнулось в тиши:
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы души.

Вы очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца:
Зачем, о, люди, люди злые,
Вы их разрознили сердца!

Теперь он, бедный, сиротина…
И вдруг махнул по всем по трем…
И тройкой тешился детина,
И заливался соловьем!..

Что ж, думаешь, я часто пел эту песню, почитай, у ворот старосты. И Анюта ее выучила – пела да плакала. Ну, сжалился староста через несколько месяцев и баял Анюте: «Вижу, любит тебя Васька, вишь, как иссох сердечный, и песня-то его больно разжалобила меня, так и быть. Отдаю тебя за него». Вот так дело и сладилось. Увидите и невесту, и отца. А мы, тетушка, сюда прибыли поздравить нашего милостивого господина, графа Арсентия Андреевича, да пожелать ему с матушкой-графиней всего доброго. Завтра ведь его рожденье. – Никак наши.

Панфил

Как тут славно, ай да робята! А ты, Василиса, ступай да зови сюда наших баб да девок, да пусть снаряжаются. – Мы все потолкуем, как бы прилично поздравить.

Староста, Анюта, Адам Адамычи много мужиков, баб и девок в различных платьях, кроме Василисы.

Панфил

Здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать, рады дорогим гостям, милости просим. Эк вас понаехало!

Староста

Да из всех отчин набрались. Все в один голос закричали: хотим нашему батюшке поклониться да пожелать ему много лет здравствовать с матушкой-графинею и графинюшкой ненаглядной. За такими господами только Бога славить да им служить.

Адам Адамыч

Хосяин, скажи пожалуй, нет ли самафар… Мне очень озяб… Шай, или ка́фе дай мне.

Панфил

Самовар водится для проезжих, и тебе можем услужить, Адам Адамыч. А не хочешь ли пеннаго или травничку, лучше согреешься. Садись-ка, мы пока потолкуем, и ты, что знаешь, помоги умом разумом.

Староста

Мы так на миру и положили. Как же нам батюшке-то графу не показать, сколь мы его любим! Это, дескать, оказия, день его рождения. Вот придем-ста да и закричим: здравствуй, батюшка-граф, со всех деревень твоих собрались тебя поздравить. Прими наше усердие!..

Адам Адамыч

Ушасно глюпо! совсем не то. Видно, что ты невежа… Кто так поздрафляй. Я вас будет учить. Слюшайте… Соберите девушка много, одеваит их в белей платьице, розовой поясочек.

Староста

Что ты, Адам Адамыч! Какие белыя платья, где их взять?.. У нас сарафаны. Вестимо, наденут празд-

ничные, и повязки золотыя, и монисты. Всего есть у крестьян его графского сиятельства.

Адам Адамыч

Забил, что нет беленькой платьице… Ну, так сарафанчик… И вот как. Всякой девушка возьми по цветочек, и презентируй графу, и сделай кникс. А ты, старост, сбери побольше цветочка. – У нас так поздрафляй большой каспадин.

Панфил

У вас так, а у нас иначе. Эх ты, Адам Адамыч. Удивишь ты графа что ли цветами? Я ведь бывал у них в доме, не то что в саду, а в праздничный день и лестница-то вся в цветах. Да уж знашь, какие цветы, и глазам любо, и носу хорошо. Где ж нам взять теперь цветов? Выдумай другое.

Адам Адамыч

Я лючше не знай, делай на твой манера.

Староста

А вот манера какая. Кто во что горазд, с тем и иди. – Так ли, крещеные?

Василиса входит с бабами, девками, мужиками и два финляндца.

Василиса

Ах, Господи! Сударики! Вот навалил еще народ волосатой, полосатой и невиданной у нас…

Староста

Вот и кстати нашего полку прибыло, чай, проздравить тоже. Вишь, он служил в том краю. Начинай-ка ты, Анюта, спой что-нибудь, что сердце скажет.

Анюта

Хоть из края мы степнова,
Но теплы у нас сердца,
Видим мы в тебе отца,
И для праздника такова
Мы пришли к тебе семьей,
От сердечнаго привета
Пожелать на многи лета
Ты бы пожил наш родной!..

Староста

Ай да Анюта. Ну, теперь, приезжие гости, скажите-ка что знаете.

Финляндец

Есть далеко край суровой,
Много скал там, много льдов,
Мы оттоле, люд вам новой,
Но в сердцах у нас любовь!..
И забудем ли щедроты,
Как об нас ваш граф болел,
Помним мы, наш град горел,
Помним мы его заботы.
Вот каков финляндец брат!
И под глыбой ледяною
Русь считает он родною,
И стоят за русских род.
Помним: от столицы Невской
Для защиты наших прав
Прислан от царя Закревской,
И меж нами стал он граф!
Помним мы, и с днем рожденья
Привезли мы поздравленье
Графу от своих отцов…
Вспомни ж, граф, ты это время,
Как за труд и службы бремя
Выслужил у нас любовь!

Староста

Ай да гости! Славно! А я вот после всех с хлебом да солью и выступлю, да так и проздравлю эдакой речью:

Мы из напольнаго,
Края привольнаяго,
Ко дню рождения
Для поздравления,
Батюшка-граф!

Прибыли волею
С хлебом да солию
Божьей святынею
С нашей графинею,
Батюшка-граф!

Век осеняемый,
Будь уважаемый
Милостью царскою,
Честью боярскою,
Батюшка-граф!

Мы же, радушные,
Слуги послушные,
Бьем челом волею,
Хлебом да солею,
Батюшка-граф!

Ну, девушки красныя, попляшите теперь; да и ты, молодец, откинь коленцо!

Крестьянки составляют хоровод; один из крестьян /кн. Абалихин/ пляшет.

Литературно-художественное издание

Глинка Авдотья Павловна

Проза

Составитель
Васильева Светлана Анатольевна

Подписано в печать 16.10.2013 г.
Формат 60×84/16. Объем 8,6 усл. печ. л.
Тираж 100 экз.
Отпечатано: Издатель Кондратьев А.Н.
170024, Тверь, пр. Ленина, 18/1. Тел. 8(4822)44-57-08.
Веб-сайт: www.принт-копи.рф
Заказ № 39.